

Владимир СУПРУНЕНКО

ЗАПОРОЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Владимир Павлович Супруненко

Запорожская вольница

Серия «Всемирная история (Вече)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64252701
Запорожская вольница: Вече; Москва; 2018
ISBN 978-5-4484-8586-2

Аннотация

Низовое войско Запорожское возникло в связи с наступлением литовцев и поляков на Среднее Поднепровье и Восточную Подолию. Казаки вынуждены были с оружием в руках защищать свою свободу и строить небольшие деревянные укрепления – городки, или сечи. Приблизительно в 30-х годах XVI века произошло объединение разрозненных казачьих групп, связанных с отдельными сечами, и образовалась Запорожская Сечь.

Она долго сохраняла свою независимость и занимала видное место в международных отношениях. Героическая борьба Запорожской Сечи против султанской Турции и Крымского ханства серьезно подрывала военную мощь этих государств. Многие европейские государства искали военного союза с Запорожской Сечью и завязывали с ней дипломатические отношения.

Книга В.П. Супруненко рассказывает об истории, славных героях, повседневном быте запорожских казаков.

Содержание

Напутное. Вместо предисловия	8
I. Войско славное, дела громкие	12
Что в имени твоём, казак?	12
«Волю имеем за дражайшую вещь...»	17
Сечевые столицы	21
Сечевики и зимовчаки	24
Атаман и старшины	29
Знатные радцы	33
К голове – булава...	37
Войсковой круг	40
Казак-мамай	44
II. Верность земле и преданиям	47
Степные вольности	47
Река казацкой славы	50
Великий Луг Запорожский	53
Прекрасный, высокий и уютный остров	63
По казацкому следу	73
Белогорье	74
Пушина	77
Тарасово гульбище	78
Хата казака Несвата	80
Островитяне	82
Возле древнего перевоза	84

При Чертомлыкском Днеприще...	87
Два памятника	89
Последний оплот	92
Где Базавлук?	95
На речке Каменке	97
Олешье	100
Шаг за порог	102
Между берегами	104
Шумели «на погоду»...	110
Чьему роду нет переводу?	114
Город-крепостница над Днепром	119
«Из-за острова на стрежень...»	123
«Там за балкой у реки...»	128
Куда метят молнии?	131
Обходной путь	135
По Дону гуляли...	137
Вояж к Таману	152
Дунайская развилка	159
На косах Азовских	168
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Владимир Супруненко

Запорожская вольница

© Супруненко В.П., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Было время – на Украине

Пушки грохотали.

Было время – запорожцы

Жили-пировали.

Пировали, добывали

Славы, вольной воли.

Все то минуло – остались

Лишь курганы в поле.

Тарас Шевченко

Нечеловеческие тайны

Закрты шумом, точно речью.

Так на Днепре, реке Украйны,

Шатры таились Запорожской Сечи.

И песни помнили века

Свободный ум сечевика.

Его широкая чуприна

Была щитом простолюдина,

*А меч коротко-голубой
Боролся с чертом и судьбой.*
Велимир Хлебников

Напутное. Вместо предисловия

Нередко на лодке я выбираюсь в плавни (болотистая пойма реки. – *Примеч. ред.*). Тихо и укромно в их тростниковой густянке. Однако меня все время не покидает чувство, что рядом со мной кто-то затаился. Так же, как и я, он вслушивается в шорохи, всматривается в глубину плеса, ловя краем глаза тени огромных рыбин. Я оглядываюсь, и вдруг в протоке мелькает смоленый челн. Гребец изо всех сил работает веслом. То ли пытается скрыться, то ли преследует кого-то... Карабкаюсь по днепровским скалам – высоко, круто, неустойчиво. Внезапно сверху в расщелину просовывается древко копья. Я хватаюсь за него и тут же оказываюсь на каменной ровной площадке. Оглядываюсь. Увы, один я над стремниной. Над сине-зеленым долом... То же самое в степи. Забреду в какую-нибудь балочку (балка – овраг в степи. – *Примеч. ред.*), прилягу под кустом бузины, и внезапно сверху раздастся конский топот, залиvistое ржанье. Взбегаю по склону, и все стихает. Лишь бескрайняя степь вокруг, древние курганы с каменными бабами на вершинах и большие молчаливые птицы в вышине...

И посреди днепровских разливов, и в тростниковых плавневых дебрях, и на обочинах степных шляхов (шлях – дорога. – *Примеч. ред.*) – везде в краю за днепровскими порогами можно встретить следы запорожских казаков. Память

О них — в одинокой скале, что, словно клык, торчит в днепровском русле, в криничке (криница — родник. — *Примеч. ред.*), что выбивается из-под камня в степной балке, в кроне и корнях многовекового дуба, в облаках, тихо скользящих над ковыльными просторами... Они все помнят. Надо лишь шагнуть за порог и неторопливо пройти по песчаным откосам, примятым травам, щебнистым тропкам, пыльным проселкам и торным шляхам. И вглядеться, вслушаться, различить запахи, вникнуть. И представить, как все здесь — между днепровскими берегами, на скалистых островках и солнечных пляжах, в степях и плавнях Запорожья — было несколько веков назад. Вряд ли это кому-нибудь возможно точно установить во всех характерных деталях и живописных подробностях... А как могло быть? Что помнится, то обязательно воротится. Однако в каком виде? На чьем возу? Путь ведь неблизкий. Немудрено что-то потерять, растряссти по обочинам, обтрепать на ветреных перекрестках. Долго я примеривался, прикидывал, советовался, но вот наконец решился и сделал шаг навстречу моему чубатому предку...

«Это научное исследование про мужей, подобных нам. Они предстают перед нами, порожденные нашим воображением и научными аргументами», — таким предисловием открыл в 1684 году «Историческую диссертацию про казаков» Йоганн Мюллер. Я последовал его примеру и взял в спутники и науку, и воображение, даже вымысел с собой прихватил. Историку он плохой, даже вредный помощник. Мне

же без него не обойтись... Как не обходились без выдумки, фантастических сюжетов, задушевной отсебятины сельские сказочники, плавневые рыбаки-балагуры, кобзари, сочинители казацких дум (среди них, кстати, есть и «Дума про казака Супруна»). Всегда рядом – под рукой и перед глазами – на книжной полке (а нередко и в походном рюкзаке, дорожной сумке) были труды летописцев, послов, путешественников, историков, этнографов, фольклористов, краеведов многих поколений. Исследования этих дотошных и романтических собирателей казацкой старины указали направление пути, определили основные его вехи. Вместе с ними я осилил большую часть этой трудной дороги по степному пограничью... Именно оно когда-то родило и сформировало феномен Запорожья и запорожского казачества. По насыщенности драматическими событиями и таинственными историями, по легендарной окраске подвигов и романтическому ореолу вокруг бытового уклада, традиций оно сегодня в мировом культурном наследии в одном ряду со скандинавскими викингскими, средневековыми рыцарскими, американскими ковбоями, японскими ниндзя.

Запорожское степное пограничье было неизведано, опасно и непригодно для мирной оседлой жизни, но там свободно гуляли ветры, парили в поднебесье орлы и кони догоняли плывущее над горизонтом светило – там была тайна, вольница и страсть. Что в недалеком будущем и в обозримой перспективе? Что за поворотом реки и изломом дороги? Во-

просы, которые всегда с нами и в нас. Ночью, когда над степью распахивается звездное небо и ясно прослеживается на небосклоне звездный путь, вспоминаются слова поэта: «Куда ведет степное бездорожье – не все ль равно! Но посреди реки – гудит камыш, дымится Запорожье, курятся чубы, веют бунчуки...»

I. Войско славное, дела громкие

Что в имени твоём, казак?

О казаках, что обитали на пограничных окраинах за днепровскими порогами, сложено множество захватывающих историй, любопытных былей, сказок и легенд. Не менее интересны и попытки ученого люда разобраться в корнях слова «казак». Одни считали, что в основе его лежит главное казачье орудие труда и одновременно грозное оружие – коса. Другие утверждали, что в древности казаки были все-таки не воинами, а пастухами коз. Именно им запорожцы были «подобны скоростью, и ловом которых наиболее упражнялись». Среди запорожских казаков бытовало предание, согласно которому они ведут свою родословную от скитальца-охотника, что поселился за порогами «для битья диких коз, кабанов и прочей дичи». Впоследствии он собрал вокруг себя таких же удалцов, которые «сшили себе кафтаны и штаны из кожи диких коз, и тако произошли в великую славу, что славные стали быть стрельцами, и прозвали их козарами». Между прочим, коза у ряда индоевропейских народов, обитавших на запорожских землях, считалась священным животным. На днепровских берегах «отметились» киммерийские всадники (предшественники скифов, предпо-

жительно – ираноязычные кочевники. – *Примеч. ред.*). Этноним «киммерийцы» созвучен греческой Химере – мифическому чудищу с туловищем козы. В переводе с греческого «химера» значит «коза». Вполне вероятно, что греки враждебных и грозных киммерийцев сопоставляли с этим чудовищем. От одетых в козы шкуры и притких, как козы, киммерийцев, к греческой Химере – козе, а от нее к Кикиморе, которая, как полагают некоторые авторы, была воплощением Великой богини – могучего божества древних ариев... Возможно, в «козьей» этимологической цепочке и ощутима некоторая натянутость и слабость звеньев, однако именно эти умозаключения, претендующие на историческую гипотезу, позволили одному историку сделать необычный вывод: «Народ же, поклоняющийся Великой богине Химере-Кикиморе, представляющийся в образе козы, должен был называть себя... козаками! Оказывается, древние киммерийцы никуда не сгнули, как думают историки, а растворились в самых разных племенах и народах, сохранив за собой право именовать себя козаками-казаками». Этот же автор упоминает и о воинственном племени касков (они вполне могли иметь отношение к киммерийцам!), что обитали вдоль южного побережья Черного моря и воевали с хеттами. След этих «казацких» племен можно обнаружить даже в Двуречье, где их называли касситами. Между прочим, как сообщают, хеттские тексты, в стране касков, также как и у запорожцев, «правление одного (человека) не было принято».

Козы бродили по степным балкам, птицы вольно летали в небе. Слово «казак» производили и от турко-татарского «коз», что значит «гусь». Некоторые исследователи среди казацких предков выделяют... амазонок-косачек. Этих женщин-воительниц отличала длинная коса, которая у казаков через века превратилась в длинный чуб. А вот что написано в труде «История Польши» гданьского историка и педагога XVII века Иоахима Пастория: «Исходя из положения дел, мне лично кажется, что название казаков прежде всего связано с характером их деятельности. Оно могло образоваться так, как и названия других групп людей, – например, бегунов от слова «бегать» – от славянского слова «ходить», от которого легко могло образоваться сначала «ходаки», а потом «казаки»...

Большинство исследователей все же усматривают в этом слове тюркский корень. У тюркских народов казаками называли вольных, подвижных, хорошо вооруженных людей, всегда готовых к войне и дальним походам. Некоторые языковеды разделяют слово на два корня: «кай» – легко и «сак» – выюк. Весь домашний скарб вольных казаков вмещался в небольшой выюк. Приторочив его к седлу, казак легко снимался с места и уносился в степную даль. Казацкий корешок прощупывается и в тюркском «гознак» или «гузак» (гусар?) – легковооруженный всадник. Монгольское слово «ко» означает броню, защиту, а «зах» – межу, границу, рубеж... Что ж, именно Пограничье в разных регионах породило ка-

зацкий тип.

В древнеиндийской литературе «казаками» называли свободных вольнонаемных крестьян. Интересно, что у персов (иранцев) слово «казак» переводится как «хохолок». А, как известно, запорожские казаки гордились своими длинными чубами...

Есть мнение, что у истоков казачества в глубокой древности находился некий загадочный воинственный народ, в названии которого прослеживается корень «аз» («ас»). Он выпячивается, а иногда и громко заявляет о себе в *черкасах, касагах, хазарах*. Все эти народности и народы имеют казацкую окраску. Тот же корень прослеживается и в географических названиях – Азия, Кавказ, Азов, Азовское море. Неукротимый романтик и создатель смелых гипотез норвежец Тур Хейердал соотносил даже Азов (незадолго до смерти он побывал там) с одним из пунктов расселения богов-асов, о которых упоминается в сборнике скандинавских песен («Младшая Эдда», памятник XIII в. – *Примеч. ред.*). Первоначально же небесные предки скандинавов (и не только их!) обитали к юго-востоку от Каспия в «городе асов» Асгарде (возможно, вблизи нынешнего Ашхабада)... Вольному – воля, а идущему – путь. Некогда он мог пролегать, образно говоря, «из грек в варяги» – то есть не исключено, что предки викингов прибыли в Скандинавию из южных краев. По пути, кстати, часть асов (азов) могли осесть в районе днепровских порогов... Что ж – у викингов и запорожцев весь-

ма ощутимы общие «казацкие» черты: бунтарский дух, преданность воле, бесстрашие, тяга к странствиям, высокое военное искусство на море и на суше.

«Волю имеем за дражайшую вещь...»

Пестрым и многоликим было запорожское казацкое братство. Кого только не собирало оно под свои знамена, кто только не сражался в его рядах! Разные авторы сообщали, что среди запорожских казаков «можно было встретить всякие народности, чуть ли не со всего света выходцев». Кого же можно считать первым запорожцем? Какими были первые казаки? Чем занимались?

В древнерусских источниках и зарубежных хрониках упоминались загадочные бродники, которые обитали в степных балках и на плавневых островах ниже днепровских порогов. Кто они? Отдельный народ с некогда великим прошлым? Кочевники, в силу разных причин лишившиеся скота и осевшие близ богатых плавневых выпасов? Степной сброд, который загнала в эти дикие края злая бродяжья судьба? Так или иначе, однако на бродников, как повествуют разные авторы, не распространялась ничья власть — они жили за границей государств и вотчин князей, ханов, королей, султанов.

Много легенд и таинственных историй связано с бродниками. Они знали все потаенные степные тропы, разумели язык птиц и гадов, с помощью трав врачевали смертельные раны, разговаривали с тенями предков, могли провидеть будущее... Однако бродники не только «колобродили», добывая себе пропитание разбоем, участвуя в разных войнах. За-

нимались они и мирными делами. Давали приют бродячему люду, за счет которого периодически и пополняли свои ряды. Обслуживали проходившие по Днепру торговые пути, охраняли и обустроивали броды (еще одна бродническая версия). Встречали и провожали торговые караваны, снабжали провиантом (в основном рыбой) воинов и купцов. Рыбари бродников пользовались главным образом бреднями, или, как их еще называли, бродаками. От этой весьма уловистой рыболовецкой снасти якобы и произошло название целого народа... Некоторые исследователи считают, что бродники были предшественниками запорожских казаков. Обитали они в районе Протошче – древнего брода через Днепр, проходившего через остров Хортицу.

Когда у запорожца спрашивали, как он очутился за днепровскими порогами, как пристал к сечевому братству, он отшучивался: «Я из рыбы родом, от пугача плодом» (пугач – сыч. – *Примеч. ред.*). Что ж, именно добытчики рыбы и зверя были первыми поселенцами этих диких мест. И поведение, и образ жизни всякой животины были для казака неким примером выживания среди дикой природы, а нередко и эталоном жизни вообще. «Волю имеем за дражайшую вещь, потому что видим – рыбам, птицам, также и зверям, и всякому созданию есть она мила», – говорили сечевики. Именно в поисках воли-вольной, молодечества и добычи оказывались за днепровскими порогами «беглые и отступники от всех вер», военные преступники, беспаспортные бродяги, разорившие-

сы ремесленники, неудачники-дворяне, погорельцы, паломники, кладоискатели, авантюристы разных мастей. «Это было пестрое сборище самых отчаянных людей пограничных наций. Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший, деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра», – писал Н. Гоголь. Постепенно для защиты от нападений воинственных степняков и других соседей, промышлявших разбоем, сложилась стихийная военная организация запорожцев. Создавать ее помогали и обитавшие выше по течению Днепра близ крупных населенных пунктов реестровые казаки, которых еще называли «городовиками» (реестровые казаки Украины составляли поместные ополчения – полки и регистрировались в особом реестре, откуда их название. – *Примеч. ред.*). «В Запорогах живут их же братья казаки, переходя из городов для промысла, а иной, который пропьется или проиграется», – отмечали некоторые наблюдательные путешественники.

Гостей со всех волостей охотно принимали запорожцы «без всяких расспросов или благодарности за гостеприимство». Однако не каждого попавшего за пороги и прибывшего к казакам зачисляли в войско; тем более строгим был отбор в элитные казацкие подразделения, совершающие рейды по тылам врага, морские десантные команды. Существовала целая система испытаний, которым подвергались новички. Однако даже тех, кто прошел проверку и на де-

ле доказал свою отвагу, силу и ловкость, не торопились называть сечевиком. Английский резидент в Петербурге Клавдий Роно писал в 1736 году: «Запорожцы принимают в свое братство вообще всех, без разбору, национальности, которые возьмут греческую веру и согласятся пройти семилетнюю пробу (подготовку) перед тем, как получить звание рыцаря...»

Запорожская школа подготовки разведчиков, десантников (имеется в виду десантирование с плавсредств на речной либо морской берег. – *Примеч. ред.*), полевых командиров высоко ценилась в Европе. Проспер Мериме в своем исследовании про казаков писал, например, что в Запорожье специально приезжали, чтобы «обучиться военному ремеслу, поучаствовать в морских походах, попробовать свои силы в какой-нибудь отважной вылазке». Нередко даже номинальная принадлежность к днепровскому казацкому ордену повышала авторитет военных чинов, наемных воинов. Российские генералы и офицеры считали за честь быть записанными в Войско Запорожское, тем более стать его почетным членом. Фельдмаршал М. Кутузов был, например, «знатным товарищем Ирклеевского куреня», князь Г. Потемкин был внесен в куренные списки под прозвищем Грицька Нечесы (носил длинный парик), а позже получил титул «великого гетьмана Черноморского войска». Почетного звания запорожца был удостоен астроном, картограф, генерал-майор российской армии Христофор Эйлер.

Сечевые столицы

«Сечь – мать, вот где надо помирать», – говорили запорожские казаки, которые называли себя сечевиками. Запорожская Сечь для казака – это и родной Днепр с его грозными порогами и спасительными заводями-тиховодами, и плавневые укромные уголки, и некий духовный центр степного вольного рыцарства, и надежно защищенный стольный град всего казацкого Запорожья, где находилась резиденция казацких старшин и было сосредоточено управление войсковыми делами, и, наконец, боевое товарищество (оно, как и центральный орган управления, могло называться Кошем) как в прямом, так и в широком смысле. Запорожские казаки гордо именовали себя сечевиками. Это слово как бы определяло принадлежность к казацкому рыцарскому ордену, особой его касте самых отчаянных и бедовых...

Название Сечи происходит от слова «секти». От диких степняков когда-то можно было спастись только в лесной чаще, где беглецы вырубали (секли) деревья, расчищая место для временного или постоянного лагеря. Подобные станы казаки устраивали и в плавневых дебрях Великого Луга... Как и чем лучше всего защитить лагерь? Можно обнести его валом, построить крепостную стену, выкопать по периметру ров. А еще – из тех же посеченных деревьев поставить мощный оборонительный частокол, устроить из заост-

ренных бревен засеку. Так и поступали запорожские казаки: и валы насыпали вокруг своих городков, и рвы рыли, а чаще всего засеками огораживались от лютого зверя и подлого врага. Кстати, засечными линиями (засечными чертами, засеками) в XVI—XVII веках назывались оборонительные сооружения на южных и юго-восточных окраинах русского государства. Они состояли из засек, рвов, валов, частоколов, дополнявшихся естественными преградами (реками, оврагами) и опорных пунктов (острогов, городков-крепостей). Самой главной считалась Большая засечная черта длиной около двухсот километров.

Не было пощады врагу на поле брани – как капусту, секли головы басурманам лихие запорожцы. Многим исследователям сегодня не дает покоя именно этот разящий оттенок в слове «сечь». В связи с этим они даже вспоминают тяжелую и острую *сакару* (секиру), с которой умело управлялись воинственные степные *саки* (так называли южных скифов, нападавших на Переднюю Азию). Самым страшным секущим и рубящим оружием сечевиков была та же секира, а потом сабля.

У казацкой столицы не было своего постоянного центра. Сечевые городки, как «летучие голландцы», исчезали и возникали вновь в зелено-голубой плавневой стихии. Хортицкая Сечь, Томаковская Сечь, Базавлуцкая Сечь, Микитинская Сечь, Чертомлыкская Сечь, Каменская Сечь, Олешковская Сечь, Новая (Подпиленская) Сечь – в разное время су-

ществовали эти боевые, хозяйственные и административные центры Войска Запорожского Низового, однако все они располагались в границах плавневого Великого Луга. А южнее простиралась степь с ее древними курганами, орлиным клекотом, ветреным непостоянством, пыльными шляхами и тысячелетней немотой каменных истуканов. Южнее – другие земли, страны, цивилизации. Южнее – другое пространство и время...

Сечевики и зимовчаки

«Пойду на Низ, чтоб никто голову не грыз», – вздыхал иной бедолага, которого жизнь изрядно потрепала, отправляясь к запорожским казакам. В их среде он надеялся найти и душевный покой, и понимание, и применение своим еще неистраченным силам, обрести второе дыхание, чтоб начать пусть полную тревог и опасностей, однако новую яркую жизнь. Запорожье не только принимало, но и «понимало» всех, кто решил связать свою жизнь с беспокойным Пограничьем.

Тот, кто жил непосредственно в Сечи и постоянно участвовал в боевых и разведывательных операциях, дальних походах и рейдах, составлял настоящий цвет казачества. Это были запорожцы-сечевики. Их боевым долгом и законами рыцарской чести скрепленная община называлась *товариществом*. Только оно имело право вершить все войсковые дела и распределять добычу. Вот какие воспоминания об этих запорожских вояках сохранились в приднепровских селах: «Сечевики – то уже особая статья. Они жили так, что их и не угадаешь: сегодня тут, в Сечи, а завтра Бог знает где: по степях, по балках и по выбалках; соберутся в ватаги и чимчикуют, куда надо. Эти уже на войне разживались. Разбивали разные города, лядские (польские. – *Примеч. ред.*) или турецкие, и забирали там, что только можно было за-

брать».

Не всем казакам, однако, приходились по нраву суровые сечевые порядки, не каждый, кто селился за порогами, готов был подчиняться старшинам и имел охоту к воинской службе. Что ж, на плавневых островах, по глухим степным балкам хватало места всем... Примечательной особенностью Запорожья были многочисленные хутора-зимовники, в которых обитали вольные запорожцы-зимовчаки. Их в шутку называли сиднями, гнездюками, гречкосеями (у турок такие хуторыне были известны как черуны). Однако зимовчаки не обижались, прекрасно понимая, что сечевикам без них за порогами делать нечего. Всякое отборное элитное войско нуждается во вспомогательных силах. Хутора-зимовники (их еще называли товщами) составляли опорные и почтовые пункты сечевиков. В любой момент запорожцы-лазутчики, отдельные казацкие отряды могли найти там и надежное убежище, и спасение от погони, и медицинскую помощь. Почтовыми гонами называлось расстояние между хуторами-*станциями*, в которых жили зимовчаки-*почтари*. Занимаясь скотоводством, рыболовством и звероловством, различными промыслами, зимовчаки снабжали сечевиков провиантом, который нередко обменивался на добытые трофеи. С зимовчаков также взималось *дымное* – особая постоянная или временная подать в пользу всего войска.

В любой момент мирный гнездюк мог превратиться в не менее, чем сечевик, отважного и ловкого воина. Причем

конного, хорошо вооруженного. Отряды вольных лугарей – *самосбройцев*, которые знали все тайные плавневые тропы, нередко действовали самостоятельно, проводили смелые опустошительные вылазки в тыл врага, внезапно появляясь там, где их не ждали. Опытные зимовчаки часто были проводниками сечевых отрядов, помогали им скрыться от наступавшего на пятки врага. Поэтому многие воспринимали сечевиков и зимовчаков как единое запорожское братство, поэтому сечевики часто именовали себя официально «славным низовым запорожским войском и товариством» – имея в виду и своих вольных запорожских братьев-зимовчаков.

Развитая сеть зимовников на казацких землях в XVIII веке уже позволила разделить *вольности* (т. е. территорию, на которую распространялись вольности. – *Примеч. ред.*) Войска Запорожского Низового на административно-территориальные округа, которые получили название паланки. В буквальном смысле в переводе с турецкого языка это слово означает небольшую крепость. Во время последней Новой Сечи земли, которые контролировались запорожцами, были разделены на восемь паланок. На правом берегу Днепра находилась Кодацкая, Ингульская, Бугогардовская паланки, на левом – Самарская, Орельская, Протовчанская, Кальмиусская и Прогноинская паланки. Самой населенной и экономически развитой считалась Кодацкая паланка, которая размещалась на территории нынешней Днепропетровской области с центром в селении Новые Кодачи. Между речками Са-

марой и Конской на территории нынешних Днепропетровской и Запорожской областей раскинулась обширная и богатая Самарская паланка с центром в Самаре (нынешний город Новомосковск). На территории этого округа находились самые большие и знаменитые конские заводы Запорожья. В границах нынешнего Новомосковского района лежали земли Протовчанской паланки, центром которой считалось село Лычковое. Тут было самое большое количество мельниц. Орельская паланка разместилась между верховьями Орели и Самары с центром в селе Козырщина (нынешние Новомосковский и Павлоградский районы Днепропетровской области). Самой малолюдной была Кальмиусская паланка, которая располагалась между реками Кальмиусом, Волчьей и Азовским морем (нынешние Днепропетровская, Донецкая и Запорожская области). Центр ее – крепость Кальмиус (нынешний город Мариуполь). Между Днепром, Ингульцом и верховьями Базавлука (Херсонская область) находилась Ингульская паланка с центром в селе Перевозском в устье Ингульца. Бугогардовская паланка занимала степи между Днепром, левым берегом Южного Буга и правым берегом Ингульца. Центр ее находился в урочище Гард (вблизи нынешнего села Богдановки Домановского района Николаевской области). Здесь, кстати, были лучшие рыбные заводы запорожцев. На левом берегу Днепровского лимана километрах в сорока от конца Кинбурнской косы разместилась Прогноинская паланка с центром в поселении Прогноинское (возле

современного села Геройского), где находился сторожевой пост для защиты добытчиков рыбы и соли.

Атаман и старшины

В диком поле, у себя на хуторе, в зимовнике казак был сам себе и старшиной, и атаманом, и судьей. Сечевое же устройство запорожского рыцарского ордена предусматривало и общественный порядок, и ответственность перед товарищами, и почитание должностного лица, и строгую иерархию.

Дуб без корней – трухлявый обломок, ватага без главаря – никчемный беспомощный сброд. Войсковую, гражданскую и духовную власть на Сечи возглавлял кошевой атаман. От имени товарищества он вступал в дипломатические отношения с государствами, утверждал раздел земель и трофеев между куренями, судебные приговоры, назначения или избрания казаков на должности. Авторитет предводителя (его часто уважительно именовали *батьком*) среди казаков был очень высок. «Куда ты глазом кинешь, туда мы кинем головы свои», – говорили запорожцы о своем ватаге (*ватаг*, *ватажок* – предводитель. – *Примеч. ред.*).

Судебные дела на Сечи вершил войсковой судья. Иногда он даже исполнял обязанности кошевого, когда тот отсутствовал. Сечевую канцелярию возглавлял войсковой писарь. От имени кошевого и запорожцев он сочинял и подписывал различные документы. Должность эту занимали высокообразованные казаки, которые знали иностранные языки и латынь (такие знания требовались в силу необходимости по-

стоянных дипломатических сношений с Польшей, где документация велась на латыни, и периодических – с Турцией и Крымским ханством. – *Примеч. ред.*). Организацией пограничной службы, охраной зимовников и дорог ведал войсковой есаул. Он также проводил следствие и исполнение судебных приговоров, поддерживал дисциплину и порядок среди казаков, занимался распределением провианта. Помогал есаулу войсковой добыш. Ударами в литавры он собирал казаков на раду (общее собрание. – *Примеч. ред.*), направлялся в паланки для сбора податей, присутствовал при исполнении судебных приговоров. Артиллерийским и фортификационным делом на Сечи ведал обозный. Во время похода он занимался обустройством лагеря, консультировал штурмующих укрепления врага. Помощником обозного выступал пушкарь. В его ведении находилась пушкарня, в которой содержались (также. – *Примеч. ред.*) преступники.

Особенно почитался в казацкой среде куренной атаман – непосредственный боевой начальник (командир компактной группы живших в одном *курене*-казарме. – *Примеч. ред.*) запорожцев. Кто не прошел школу куренного, тот не мог быть избран кошевым атаманом. Куренной атаман имел свой значок, который представлял собой небольшой флажок – его нес куренной хорунжий. Войсковой толмач (драгоман) кроме переводов различных документов и участия в переговорах возглавлял разведку и контрразведку. Войсковые шафари осуществляли сбор податей на перевозах через основ-

ные водные пути. У войскового кантаржия хранились весы и мерки, он следил за правилами торговли на Сечи. Атаман сечевой школы под присмотром начальника сечевых церквей руководил обучением детей в сечевых школах (характерно, что атамана школы выбирали сами учащиеся – опыт уникальный для Европы того времени! – *Примеч. ред.*). За кошевым атаманом, судьей, писарем и есаулом на всю жизнь сохранялось звание войсковой старшины (остальные лица после ухода с должности свое звание теряли).

Войсковая старшина без должностей могла во время похода или боевых действий возглавлять временные команды или партии казаков. При формировании боевых отрядов, походных команд назначались походные полковники, которым придавались в подчинение есаул и писарь. Все они назывались походными старшинами. После возвращения из похода они становились старшинами без должностей.

Паланковую старшину составляли полковник (его еще называли *сердюком*), писарь, подъесаул, подписарь и хорунжий. Полковник на территории паланки был чем-то вроде кошевого атамана в Сечи. Он разрешал различным лицам въезд в вольности (т. е. на территорию. – *Примеч. ред.*) запорожских казаков, снабжая их пропуском – знаком в виде копии пернача (символ власти – оружие на коротком древке; также – шестопер. – *Примеч. ред.*). К чиновникам паланки принадлежали атаман *громады* (который стоял во главе слободы или промысла), войсковой табунщик, скотник и чабан,

следившие за общественными табунами коней, стадами скота и отарами овец.

Знатные радцы

Однажды на замечание Потемкина о своевольстве запорожцев ему от войскового депутата был дан такой ответ: «Кошевой и старшины тому не причина, а делается это от товарищества; кошевого и старшин напутствуют старики, атаманы и войско». И во многих других казацких письмах, челобитных и рапортах наряду со старшинами упоминаются «старики». Нередко это слово встречается и в подписях под приказами и грамотами от всего войска. Кто же они, запорожские «старики»? Какое положение занимали? Какую роль играли в сечевой жизни?

Стариками, дедами или батьками в казацком кругу называли бывших войсковых старшин, прославленных ватагов, опытных, покрытых славой и шрамами воинов-ветеранов. Как батьки-отцы среди домочадцев в многочисленных селянских семействах, так и казацкие батьки-старики среди сечевиков пользовались непререкаемым авторитетом. Они были «столбами» многочисленного и разношерстного казацкого войска, своеобразными «носителями» всех его неписаных законов и обычаев.

«Стар да умен – два угодыя в нем», – говорили в народе. Молодой казак на битву, а старый на думу. Их недаром называли «знатными радцами» (от слова «рада» – собрание. – *Примеч. ред.*). Старики, как правило, участвовали в разра-

ботке ответственных боевых операций, маршрутов дальних походов, присутствовали на войсковых радах, где на виду у всего войска находились рядом со старшиной. Старый волк знает толк, старый ворон не каркнет мимо. Строгий окрик старика умирал самые буйные головы, тихое и короткое заключительное слово авторитетного батьки часто значило больше, чем даже длинная речь кошевого. А уже про повседневные «обиходные» советы и говорить не приходится. От стариков была немалая польза и в сечевом хозяйстве. Они не сидели без работы – и она не искала их. Сколько батька, столько и рады, сколько деда, столько у казаков и хлеба. Старики заботились о сохранности продуктовых запасов, следили за соблюдением традиций, участвовали в справедливом распределении военной добычи, постоянно что-то подправляли и подбивали в куренях, занимались пчеловодством, ремонтом лодок, починкой рыбацких снастей. Нередко седоусые казаки возглавляли рыболовецкие бригады, которые по весне снаряжались куренями в плавни для добычи рыбного пропитания. «Хорош был наш дед: каждый день рыбка на обед», – добрым словом вспоминали сечевики старого ватага-рыбаря.

Людей старят годы и тяжелые невзгоды. Был когда-то орех, да свелся на смех, был конь, да изъездился, был казак, да отказовал свое. Однако за плечами седых казаков приключений было больше, чем у зажиточного хозяина – в погребке. Много полезного и поучительного можно было услы-

шать даже от стариков, что уже грели кости на печак. Для молодых казачков они были и добрыми советчиками, и отцами-утешителями, и хранителями увлекательных сказок, чудесных историй, занимательных небылиц. «А сколько же вам лет?» – спрашивал юный слуга-джура у старого казака. Тот усмехался: «Как же мне знать, который мне год? Как родился, то без памяти был, как рос, то ума не имел, а как уже до ума дошел, тогда бы и посчитать – да много лет утекло». Так веселили, подбадривали сечевиков немощные телом, но сильные духом старики – дед как скажет и прикажет, то и молодой не справится.

Старики были на особом положении в Сечи. Их даже «за давние казацкие службы» по старости и убожеству освобождали от податей (имеются в виду старики, переходившие из *товарищества* в *сидни*, на хутора-зимовники. – *Примеч. ред.*). Нередко старые упрямые и характерные батьки внезапно, без предупреждения оставляли Сечь. Поселялись в плавневых зимовниках, в степных хатках-бурдюгах и тихо-мирно доживали свой век, привечая беглецов, бродячий люд и казачков, которые возвращались из походов. «Почему черт мудрый?» – «Потому что старый». Однако и старый черт часто свету не рад, и черт на старости, как бывалые люди говорили, в монахи пошел бы. Нередко и суровые израненные деды-сечевики, поблагодарив товарищей и побратимов за *панство*, уходили в монахи. Болели, ныли по ночам старые кости за грехи молодости. Бывших рыцарей степи охотно принимали

монастыри, где запорожцы спасались, молитвами и постами
искупая свои грехи...

К голове – булава...

«На казаке нет знака», – говорили в народе. Это в чистом поле, во время тайной вылазки, разведывательной операции. Однако же казацких послов во время переговоров, различных дипломатических миссий встречали и по уму, и по одежке. Где казак, там и слава. Она в боевых подвигах. Но и в роскошном показушном убранстве, различных клейнодах. Слово это в немецком языке означает «драгоценная вещь». Что ж, клейноды – атрибуты власти старшин, военные значки, штандарты, флаги – действительно ценились очень высоко.

К древнему ударному оружию принадлежала булава. Со временем она превратилась в символ высшей власти. У запорожских казаков булава вручалась исключительно предводителям – *гетьманам* (гетманам) и *кошевым*. Отсюда и поговорка: «До головы надо булавы». Сквозной серебряный или позолоченный шар, иногда унизанный драгоценными камнями, надевался на металлическую или деревянную рукоятку (иногда в нее вкручивался кинжал). На булаве мог быть высечен герб или фамилия ее собственника. *Перначами* (шестоперами) у запорожцев назывались булавы меньших размеров, на конце которых вместо шара крепились металлические пластины, что назывались *перьями*. Пернач символизировал власть полковника. Перначи в виде небольших жезлов могли вручаться и другим должностным лицам. К стар-

шинским клейнодам принадлежали различные трости. Один из историков писал, что в «трости содержится кошевого вся честь».

Движущееся по степи казачье войско было весьма живописно. И едва ли не главный его колорит и *цвет* составляли бунчуки, значки и стяги. *Бунчук* представлял собой двухметровую палку с медным или позолоченным шаром-маковкой на конце, к которому снизу прикреплялись пучки конского волоса, красные ленты. Так называемые казаки *бунчужные* – почетные обладатели бунчуков, составляли свиту гетмана. Значками назывались флажки куреней или сотен. У каждого куреня был свой значок, за которым присматривал «значковый товарищ».

Чья «крыша», того и знамя. Его нередко вручали запорожцам правители той страны, на стороне которой выступали казаки. Известна, например, большая хоругвь для морских походов, с лицевой стороны которой изображен российский двуглавый орел, Спаситель, благословляющий запорожцев, и архангел Михаил с огненным мечом. Ниже расположено трехмачтовое судно. По краям знамени можно прочитать надпись: «Сие знамя в войско его императорского величества запорожское низовое зделано коштом (т. е. на средства. – *Примеч. ред.*) пехоты воюющей тогож войска по Черному морю також по рекам Днепру и Дунаю». Существовали также боевые флаги походных команд, на которых изображались кресты, полумесяцы, звезды. Известны случаи, когда

казаки использовали флаги, захваченные у врага.

К клейнодам принадлежали и духовые трубы. Существовала целая система сигналов, с помощью которых трубачи оповещали товарищей о различных событиях. Такое же назначение было и у литавров, которые находились в ведении войскового довыбша.

Важной особой среди запорожцев был писарь. Его трудно представить без чернильницы – *каламаря* за поясом и гусяного пера за правым ухом. Войсковую печать держал при себе судья, куренными и паланочными печатями ведали куренные атаманы и паланочные полковники. На сечевой печати был изображен герб Запорожской Сечи – казак с саблей и пороховницей на боку и ружьем на левом плече.

Войсковой круг

«Гуртом и батька легче бить», – говорят в приднепровских селах. Так и среди запорожцев. Недаром их сообщество называлось *товариществом* – среди казаков уважались прежде всего законы дружбы, долга, взаимовыручки. «Кто от товарищества отстанет, пусть от того шкура отстанет, как на вербе весной», – говорили казаки. Общее их решение, касающееся всех без исключения, как правило, принималось на общих собраниях – радах, кругах, колах, сходках. Без них лихая и страстная казацкая вольница, что море без берегов.

Громада всему рада. Именно во время советов-рад казацкая громада утверждала себя, свои законы и свою верховную власть. Чего рада *забажает*, того и царь не ломает. Общие войсковые рады происходили зимой – в начале нового года, весной – сразу после Пасхи и осенью – на Покров. Правда, по настоятельному желанию товарищества казаки могли собраться на сечевом майдане (центральная площадь, где происходили рады. – *Примеч. ред.*) в любой момент. На этих представительных круговых собраниях решались, как правило, очень важные для всех вопросы войны и мира, улаживались пограничные споры, распределялись угоды, определялись сроки походов.

Своя воля у казака в Запорогах во всем. И прежде всего – в выборе старшины. Вот как обычно это происходило

на раде. С утра после сытного застолья сечевики выражались в свои лучшие одежды и, подправляя и приглаживая чубы – *оселедцы*, выходили на сечевой майдан. Места на нем для всех, случалось, не хватало. Казаки забирались на крыши куреней, на колокольню. Раздавался выстрел из самой большой пушки. Войсковой довбыш бил мелкой дробью в литавры. Над головами плыл войсковой стяг и водружался на возвышении возле церкви. Рядом со знаменем во главе с кошевым выстраивались старшины со знаками своего достоинства. Все были без шапок. Куренные атаманы, судьи, есаулы стояли низко опустив головы – ожидали приговора рады. Зато рядовые сечевики были веселы. Это их час. Их право выбора. Если казаки были недовольны кошевым, то он бросал свою шапку на землю возле знамени и клал на нее булаву. Каждый курень старался выдвинуть своего кандидата. Когда кто-нибудь из толпы выкрикивал его имя, претендент на самый высокий чин тотчас удалялся в курень. Его присутствие никак не должно было повлиять на итог выборов. Наконец после бурных дискуссий оглашалось имя нового вожака. Именитые казаки торжественно выводили его на майдан, приговаривая: «Ты теперь наш батько. Пануй над нами». По обычаю, который соблюдался очень строго, новоиспеченный атаман два раза отказывался от чести возглавить казацкую ватагу и только после третьего настоятельного предложения (которое часто делалось в категорической и не очень вежливой форме. – *Примеч. ред.*) брал в руки булаву.

Старые, убеленные сединами сечевики тотчас сыпали на голову своего нового вождя песок или мазали его чуприну грязью (а то и кизяк (навоз. — *Примеч. ред.*) вместо шапки могли прилепить) — ватаг не должен был забывать об изменчивой казацкой судьбе и о своем, как и у всех, земном происхождении. После этого кошевой кланялся всем и благодарил товарищество, обещая служить ему верой и правдой. Дробно били литавры. Вверх летели шапки. Со всех сторон раздавались напутственные возгласы: «Будь, пане, здоровый та гладкий! Дай тебе, Боже, лебединый век, а журавлиный крик (т. е. голос. — *Примеч. ред.*)!» После этого кошевой в честь своего избрания угощал всех верных ему казаков. В Покровском народном краеведческом музее хранится уникальный экспонат — *кухоль* (кувшин. — *Примеч. ред.*) *побратим* с двумя ручками. Рассказывают, что его нельзя было ставить на стол — можно было только передавать из рук в руки. По преданию, из этой оригинальной посуды новоизбранный кошевой лично угощал каждого сечевику. За одну ручку вместительного кухля держал батько-атаман, за другую, опрокидывая в себя содержимое, — рядовой запорожец.

Случалось, выборные рады проходили весьма бурно. Никто никому не хотел уступать. Сечевики распалялись, в ход даже шли кулаки, а некоторые в пылу спора хватались за оружие. Не сладко приходилось и кандидатам в кошевые. В любую минуту казаки, поддавшись настроению или по чьему-нибудь злому предательскому умыслу, могли сменить

свою милость на гнев.

Нередко после выборов недовольные, стуча поленьями в котлы и сковороды, пытались созвать новую раду. Пользуясь сумятицей, подвыпившие казачки, для которых выборы были лишь поводом опрокинуть лишнюю чарку и погулять в свое удовольствие (и таких было немало в казацком войске), случалось, вспоминая старые обиды, сводили с друг другом счеты, задирались со своими собратьями зимовчаками, прибывшими на праздник, грабили сечевые предместья, базары.

Казак-мамай

Разных талантов хватало среди запорожцев. Были и такие, что малярной кистью владели не хуже, чем саблей. В Сечи, правда, особых условий для этого занятия не было. Разве что какой-нибудь шутник, чтоб повеселить товарищей, намалюет на песке забавную рожицу или на стене куреня углем да красками, добытыми из плавневых растений, изобразит характерный портрет боевого побратима. Мог и надпись рядом прилепить. Скажем, такую: «Кому доведется в степях бывать, тот может имя мое отгадать».

...Удивительная была популярность у этого героя. Уже и запорожцы разбрелись по белу свету, уже и кресты на их могилах в землю вросли, а сельские маляры продолжали рисовать его на стенах хат и клунь, на дверях и шкафах, на посуде и ульях. Именитым художникам тоже полюбился этот образ, ставший символом запорожского казачества. Даже малые дети угадывали на картинах знаменитого казака Мамая. Что же это за личность? Откуда ее имя? Оно действительно пришло из степного ветреного далека. Так звали правителя Золотой Орды, не раз ходившего в походы в наши степи. Как же случилось, что герой украинского народа стал одноклассником его врага? – Ну, во-первых, с татарами запорожцы не всегда воевали. Нередко и мирно *сносились*, соседствовали без распрей и бранных разборок, дела хозяйствен-

ные сообща решали. Множество тюркских слов было освоено казаками. До и после хана Мамай татары словом *мамай* нередко называли некое фантастическое существо, чудище, которым пугали детей. Оно могло быть, скажем, похоже на побитого ветрами и пулями каменного идола, что стоял на кургане. Так – мамаями – в приднепровских селах и называли эти статуи. В народе слово *мамай* употреблялось и для обозначения гайдамаков, у которых было много общего с запорожскими казаками. Мамеюв дорогою именовался у казаков звездный Млечный Путь. По границам Великого Луга было много мамеюв названий – Мамай-Гора, балка Мамайка, речка Мамайсурка.

Казаки любили шутку, и данное между прочим или в связи с каким-нибудь событием прозвище, взятое из чужого языка, могло привиться более основательно. Таким образом имя было понятным не только казацкому братству, но и врагам. Сечевики как бы давали понять степнякам: вот знаменитый ваш Мамай когда-то еле уволок ноги от дружинников, кончил позором, а наш Мамай отважен и неуловим, никогда не унывает, всегда выходит победителем. Вот, мол, и сравнивайте, мотайте себе на свой жидкий ус, кто с кем и за что воюет, каким способом добывает победу.

На народных картинах казак Мамай изображался, как правило, сидящим по-турецки и с бандурой в руках. Это был спокойный мирный страж степных и плавневых запорожских вольностей. Его характерный образ часто дополня-

ли зеленый дуб, боевой конь, привязанный к копыю, казацкое оружие, шапка, трубка-люлька, бутылка, чарка. А еще были слова из песен и дум, виршики (стишки. – *Примеч. ред.*), просто надписи. Грозные, насмешливые, философские. «Я казак Мамай, меня не замай», «По трудам, хлопцы, гуляйте, лишь дело свое сполняйте», «Казак душа правдивая, службу добре дбает, как не ляхов, так нужду бьет, а все не гуляет», «Хотя титлом не славен, та жизнь весело веду, в делах своих исправен – я вовек не пропаду». Не унывал, не пропадал ни где рыцарь запорожских степей казак Мамай. Вовек не пропадет народ, создавший его образ...

II. Верность земле и преданиям

Степные вольности

Сила, очарование и тайна степи в ее безграничных пространствах, «окоемом» просторе, ветреной открытости, первозданной обнаженности, безоглядном размахе, удивительном единении (и даже родстве!) с небесной стихией. В степи не рождались цивилизации, однако ее ветры баюкали их колыбели. Отсвет степных костров – на многих земных культурах, в их естественных благостях и тайных откровениях яростная и в то же время нежная душа степи, в узорах древних и новых искусств вплетены краски степного чистополя. Скифские курганы и безымянные могилы, каменные идолы и одинокие кресты, вонзающиеся в горизонт дороги и дымки кочевий, посвист одинокой стрелы и затихающий конский топот, чумацкие обозы и посох паломника, чабанская герлыга (пастушеский посох с крюком на конце. – *Примеч. ред.*) и плуг ратая (пахаря. – *Примеч. ред.*) – в них летопись южного степного края, его длинная упоительная песня. Каждый, кто приходил и пользовался степным *ничьим благом*, добавлял к ней новый куплет.

Как сообщал летописец, запорожские казаки селились ниже порогов «в пустых местах и диких полях». Разные пра-

вители пытались в степи между Днепром и Азовским морем указать запорожцам места их пребывания. Однако казаки недаром называли свои земли *вольностями*. И недаром даже в циркулярах они значились состоящими «большую часть из пустой и дикой степи». Степь и воля – казачья доля. Степное Запорожье определило сущность и характер всего низового казачьего рыцарства.

Право первого займа в Диком поле (так летописцы окрестили этот степной край за порогами, где бал правили воинственные степняки) было суровым, однако непреложным законом Пограничья, его культурной нормой и даже своеобразным знаменем. Пренебрегая пунктами указов, ордеров, пограничных «инструментов», договоров и межевых записей, запорожцы часто, где хотели, там и раскидывали свои лагеря; где считали целесообразным, там и устраивали укрытия, засады, походные стоянки; где считали нужным и удобным, там и зверя ловили, и промыслами всякими занимались (при этом, как сообщал летописец, «предусмотрительно, не заводя, однако, оседлостей»). Для тех же, кто пытался ограничить их вольности, был один короткий ответ: «Оце знай, ляше, где твое, а где наше». Любопытным же гостям, которые расспрашивали об особенностях казачьего житья-бытья, чубатые молодцы отвечали: «Не наше дело в ряжи (деревянный сруб, постройка. – *Примеч. ред.*) сигать, наше дело казачье конем по степи гулять». Только в чистом и широком ветреном степном поле казак по-настоящему был на во-

ле, в полной мере ощущая вкус жизни, которая немыслима была без свободы и азарта.

«Где буерак, там и казак», – говорили в народе. Что ж, в степи хватало укромных уголков, где можно было спрятаться от врага или, наоборот, устроить на него засаду; расположиться на ночлег, утолить голод и жажду. Речь идет о ложбинах разной глубины, длины и ширины, заросших густым кустарником, которые издавна в степи за порогами называли *балками*. «Всех балок, оврагов и байраков в степях запорожских казаков было поистине необозримое число, точно звезд в бесконечном пространстве небес», – восхищался этой природной достопримечательностью степного Запорожья один исследователь казацкой старины. В степных балках нередко селились казаки – зимовчаки, казацкие отшельники, добытчики степного зверя.

Река казачьей славы

«Днипре-брате, чем ты славен: чи зелеными лугами, чи крутыми берегами? – Ой, я славен казаками, молодыми бурлаками» – поется в народной думе. Что ж, казачье прошлое Днепра уже неотделимо от истории великой реки. У нее вообще-то много лиц – природа «протянула во всю длину Днепр с ненасытными порогами, с величественными гористыми берегами и неизмеримыми лугами». Я много раз путешествовал по Днепру от истоков до устья. В северной лесной стороне и даже в среднем течении река еще не осознает своей мощи и богатства. И только после порогов она становится по-настоящему величава, прекрасна и щедра. Геродот, воздавая хвалу Днепру, писал, что эта река «наиболее прибыльная», «самая богатая полезными продуктами». Скорее всего, он имел в виду днепровские плавни в низовьях, где обитали запорожские казаки. «Днепр – это священная и заветная для запорожцев река», – писал Дмитрий Яворницкий, – он был «главнейший источник их войсковых доходов». Прежде всего это переправы и «шляховые» броды через реку, которые контролировали запорожцы. Днепр в изобилии кормил вольных лугарей рыбой, по речному протяжению к морю ежегодно отправлялись сотни «чаек» (казачьих судов. – *Примеч. ред.*). За это реку и прозвали Казачьим шляхом. Днепр подпитывал запорожцев и душевно. «При

виде страшной пучины, клокочущей в днепровских порогах, кровь леденеет в жилах человека», – замечали очевидцы. У кого кровь леденела, а у кого играла. «Шум быстрых и сильных потоков всегда что-то говорит имеющим силы бороться за широкие просторы и за вольность», – вспоминал рожденный казацкой гуляйпольской стихией анархист Нестор Махно (он родом из селения Гуляй-поле – нынешнего райцентра Запорожской области) про свои раздумья у порогов. Для запорожцев днепровская стремнина, прорвавшаяся через порожистую гряду, была своеобразным олицетворением их воли, силы духа, символом их неумной энергии. Можно не сомневаться, что «мечтатели в душе, поэты в речах, художники в песнях, запорожские казаки, всегда жившие с природой душа в душу, лицом к лицу» часто любовались и грозными порогами, и широкими разливами Днепра, и его тихими заводями, и таинственным лунным светом, что серебрился между темных скал, и чайками, скользившими над пенистыми волнами.

Исток Днепра следует искать в его верховьях на севере, а чтоб разобраться в подноготной названия великой реки, отправимся на юг – туда, где начинались вольности запорожских казаков, где распростерся их знаменитый Великий Луг Запорожский. Многие исследователи считали, что название состоит из санскритского *дан* или *дон* (река) и готского *перес* (поток), то есть Днепр или первоначально Данперес – «река с сильным течением». С древним корнем соотносятся и

названия Дуная, Днестра, Дона. Пороги, которые перегораживали путь реке, дали основание некоторым ученым связать название со славянским *праг* (порог). Что ж, для наших предков, которые с великими трудностями на ладьях, а впоследствии на тяжелых лодках – *дубах* и стремительных суденышках – *чайках* преодолевали каменистую преграду, Днепр вполне мог быть порожиистой рекой. Одновременно они величали его Славутичем – славно скользили по быстрой воде суда, славилась река и лугами, и рыбными богатствами, далеко по степи разносилась слава о запорожских казаках, что жили на ее берегах. Есть, правда, мнение, что «славное» название связано с праславянским корнем *слав-слов* в значении «течь» или «плыть».

Геродот называл Днепр *Борисфеном* – «северной рекой». Скандинавские варяги именовали реку, по которой пролегал их путь «в греки», *Данп* и *Данпар*. В труде византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» встречаем печенежское название Днепра Варух – «широкий». *Узу-су*, *Узу*, *Юзен* – это тюркоязычные варианты днепровского имени (*уз* – река, *су* – вода). В византийских церковных источниках X–XIII столетий наша река упоминается как *Элисс*. Предполагают, что название это связано с *Олешьем* (ныне город Цюрупинск), рядом с которым располагалась Олешковская Сечь.

Великий Луг Запорожский

...Низовой ветер дул сильно и напористо, не давая лодке приблизиться к спасительным зеленым островкам. И лишь когда мой спутник соскользнул с кормы на колени и уперся в весла, помогая мне грести, расстояние до плавневой густянки стало заметно сокращаться. Наконец мы вошли в широкую протоку. Обогнули полузатопленный островок, скользнули мимо черного, похожего на паука, *корча* (корч – древесное корневище. – *Примеч. ред.*), протиснулись через узкий проход в камышах и вдруг очутились на краю маленького озерца, затянутого ряской. Если по пути нет цепляющих нитей водяного ореха – чилима и водорослей, которые в этих краях называют *жабуриння*, то плыть на лодке по ряске довольно легко. За кормой змеится рваный черный след, похожий на широкую трещину. В ней блестят осколки солнца. Через минуту-другую ряска затягивает их, и уже в десяти метрах от кормы – прежняя немая зеленая плоскость. Белые лилии на ней, словно бабочки, принесенные *низовкой* (ветер с моря. – *Примеч. ред.*) с далеких земель. Между ними желтеют тугие кулачки кувшинок. Потрескивают крылышками стрекозы – каждый листок на воде для них надежная твердь. Ряска выдерживает даже маленьких лягушат, и те резвятся на ней, как на лужайке... Начало июня. Много света вокруг: будто не было ночи, и впереди очень долго – один длинный и

радостно понятный всему существу на земле день. Деревья и травы замерли под пристальным взглядом лета – марш будет трудным и жарким.

Подобные уголки в днепровских плавнях и на острове Хортица, и ниже ее по правому, а в особенности по левому берегу можно встретить на каждом шагу. Плавневый зелено-голубой край – это вербы и осокори, травы и цветы, заросли тростника, рогоза и камыша, вся жизнь которых связана с водой. Наши днепровские, дунайские, волжские или кубанские плавни названы так, потому что их низменные берега как будто бы плавают в воде, а буйная плавневая растительность постоянно (особенно во время весенних паводков) подпитывается влагой. В народе говорят: «Растет, как из воды», имея в виду живительную силу влаги, способную в южных степях творить чудеса. И действительно, из воспоминаний старожилов известно, что в плавнях росли деревья прямо-таки сказочной толщины, а в некоторых местах через плавневую густянку (так в Приднепровье называют густую растительность по берегам рек) невозможно было пробиться ни пешему, ни конному. Недаром именно в плавнях (в устьевой части Днепра) Геродот поместил легендарную землю Гилею, путешествуя по которой Геракл встретил прекрасную змей-девицу. А Гилея, как известно, в переводе с греческого означает «лес»...

Плавни, как правило, располагаются на затапливаемых поймах и в дельтах крупных рек. Мне довелось побывать и

в дельте Дуная, рыбачил я и на Днестре, и по Дону путешествовал, блуждая между островками в том месте, где река встречается с морем, и на Кубань судьба забрасывала. В каждом крае свой рай. Однако нигде я не встречал ничего похожего на наши днепровские плавни. Ни по красоте проток и плесов, ни по щедрости берегов, ни по чистоте песчаных пляжей, ни по величавости разливов не могут с ними сравниться другие плавневые уголки. Я уже не говорю про отметины истории, следы в народной памяти, легенды и предания. Речь прежде всего идет не просто о днепровских плавнях, а о «великой плавне» в Запорогах, Великом Луге – плавнях в низовьях Днепра, в его широкой устьевой долине за порогами.

Когда же впервые появилось это название? Русские толковые словари определяют слово *луг*, как «участок, покрытый травянистой растительностью». Возможно, лугом называли пойменную долину Днепра из-за травянистых пастбищ, где степняки выпасали скот? Однако, скорее всего, дело в другом. Вспомним песню «Ой не шуми, луже, зеленый байраче». Здесь украинское *луг* обозначает *лес на низменности* или, наоборот, *низменность, поросшая лесом*. Кстати, в древнерусском языке слово *луг* употреблялось для обозначения и травной земли, и пастбища, и леса, и болота. Именно дикая лесистость, зеленое раздолье днепровских плавен прежде всего бросались в глаза путешественникам всех времен и народов. Поэтому не случайно плавни были названы

Лугом.

...В летних великолужских плавнях всегда по-домашнему тихо, покойно и уютно. Лодка бежит легко и независимо, будто сама вода несет ее. Мимо проплывают берега. Деревянное суденышко скользит по метелкам тростника, счесывает зеленые кудряшки деревьев, сбивает тонкий сухостой... Ничего не стоит мимоходом потревожить этот отраженный мир. Очень хрупкий он, и, как у искры, коротка его жизнь. Я все время ловлю себя на том, что загребая сильнее левым веслом и стараюсь держаться подальше от берега. Но все равно, как осторожно ни опускаю весла в воду, от них расходятся круги, которые упрямо ширятся и задевают береговые отражения. Вхожу в протоку. Дальше мелкие озера и плесы нанизаны на русло, которое когда-то ответвлялось от реки и прочеркивало плавни с севера на юг. Я выбираю тенистый заливчик, «нежно» кладу на борта весла и, сняв среднюю банку, располагаюсь на дне лодки. В плавнях не только вольно дышится, но и легко думается, вспоминается. Первое упоминание нашего плавневого Луга находим в датированной XII веком летописи, где описывается борьба с лукоморскими половцами Ростислава Рюриковича, который «ехал в борзе изъездом до Протолчи в Лоузе в Днепрском». Кстати, лукоморские – от *луки*, *излучины* – поворота реки (Лукоморье – морской залив. – *Примеч. ред.*). Именно в районе порогов Днепр поворачивал на юго-запад. Может, Великий Луг – это все-таки не *луг*, а днепровская лука-излучина, за

которой кончались пороги и начинались плавни? Существует и такая версия.

Великим плавневым Лугом сделали запорожские казаки, обитавшие на плавневых островах. Недаром запорожцев называли и *лугарями*, и *камышниками*. О Днепре, луге и лугах сечевики не забывали упоминать, подписывая различные письма и грамоты: «Войско Запорожское, днепровское, кошевое, верховое, низовое и будущее на лугах, на полях, на полянах и на всех урочищах днепровских, и полевых, и морских». «Великий Луг – батько, а Сечь – мать, вот где надо умирать», – говорили они о своей плавневой родине. Впервые название Великий Луг встречаем в одном из самых ранних памятников казацкого летописания в так называемой Летописи Самовидца (*самовидец* – очевидец) в 1687 году. Окончательно утвердившись в низовьях Днепра за порогами, казаки превратили плавни в своеобразное государство, за которым в народной памяти утвердилось название Великий Луг Запорожский. Даже официальные рапорты, календари в период расцвета империи отдавали должное громкой истории края, неизменно связывая Великий Луг с запорожским казачеством. Вот строки из Памятной книжки Таврической губернии за 1889 год, составленной Статистическим бюро губернского земства под редакцией К.А. Вернера: «Между Днепром и Конскими водами, от села Царицына Кута до с. Ивановки Мелитопольского уезда тянется на 600 квадратных верст знаменитый в истории Великий Луг

(Екатеринославской губернии)... На этом лугу и его окрестностях находилось множество запорожских зимовников, где не раз скрывались и гайдамаки (украинские крестьяне-повстанцы против польского гнета XVIII века – *Примеч. ред.*). Жители Великого Луга считались самыми храбрыми казаками и славились под именем *лугарей*. Великий Луг издавна принадлежит Запорожской Сечи. По белградским трактатам 1739 года Конка от устья до вершин была принята границей Крымского ханства, и весь Великий Луг оказался в пределах империи (Российской. В тот период Крымское ханство признало зависимость от России. – *Примеч. ред.*)».

Трудно сегодня по плавневым лоскутам представить, где точно, между какими именно берегами находился Великий Луг. Однажды мне пришлось в лодке заночевать посреди Каховского моря (искусственное море, образованное на территории древнего Запорожья в целях создания Днепрогэса. – *Примеч. ред.*). Быстро стемнело. Вода и суша померкли и, потеряв плоть, слились с небом. Вечер остывал, густел – и вот в вышине зажглись звезды. Некоторые мерцали совсем низко, и их можно было спутать с береговыми огнями. В то же время те светлячки, что перемигивались по берегам, казались далекими звездами. Кажется, я находился где-то вблизи Кучугурского архипелага – в самой широкой части моря. Подумалось, что береговые и небесные огни зажглись, чтобы четче обозначить и ограничить огромное плавневое пространство, называвшееся когда-то Великим Лугом. Большая часть

его сегодня залита водами Каховки. Однако у берегов долгая память. Они помнят то зелено-голубое великолужское раздолье, в котором суша и вода жили в удивительном согласии друг с другом.

Я спросил у далеких берегов, попытался вслушаться в плеск волн, окинул взором звездный мир вокруг и в вышине. Потом обратился к книгам, авторам прошлого. Что же собой представлял Великий Луг? В каких границах располагался? «От Александровска до Никополя, между Днестром и Конскою (Конскими Водами), находится обширнейший поемный заливной Луг, широкая живописная плавня с множеством речек, озер и островов, тот знаменитый исторический Великий Луг, заветный и священнейший для запорожцев, о котором в памяти и в устах народа доселе живет много поэтических рассказов и сладких воспоминаний», – так вдохновенно писал о наших знаменитых плавнях епископ Феодосий Макарьевский в своих «Материалах для историко-статистического описания Екатеринославской епархии». Неутомимый исследователь казачества и связанных с ним примечательных местностей Дмитрий Яворницкий попытался более точно определить великолужские координаты. «Из всех плавен в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся у левого берега Днестра, против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, на том берегу, вниз по Днестру, против урочища Палиивщины, выше Рога Микитина», – замечал он в «Истории запорожских ка-

заков». Микитин Рог – мыс, на котором раскинулся город Никополь, Палиивщина – урочище, незатопленная часть которого занимает северную часть сегодняшнего Энергодара. Другой исследователь, определяя границы Великого Луга, спустился ниже по Днепру. У нашего земляка писателя Андриана Кащенко (он родился в помещицком имении родителей «Веселое» неподалеку от села Лукашевого Александровского уезда Екатеринославской губернии) читаем: «Юго-восточной границей Великого Луга и Хортицы стала протока, или речка, Кушугум, а ниже – к лиману Великой Воды – речка Конская, и только на небольшом промежутке – главная водотока Днепра. Юго-западной границей Великого Луга, на протяжении 35 верст от Хортицы, протекал Днепр, а там – аж до лимана Великие Воды – те протоки, что отходят от Днепра справа. Всего Великий Луг от острова Хортицы до лимана Великой Воды, если мерить Днепром, протянулся на 110 верст; самая большая ширина его составляет 20 верст, а наименьшая – 3 версты. Вся эта огромная площадь около 1000 квадратных верст или более миллиона десятин земли поросла лесами, очеретами и высокими травами, украшена озерами и лиманами, порезана протоками Днепра». Лиман Великие Воды, в который через протоки вливалась речка Базавлук, находился между нынешними селом Осокоровкой и поселком городского типа Нововоронцовкой Херсонской области. Днепровская вода, огибая плавневые островки, безвозвратно уносила к морю годы и десятилетия. Однако каждый

новый исследователь Запорожья и его примечательных мест считал своим долгом географически и исторически обозначить знаменитые днепровские плавни за порогами.

По мнению запорожского фольклориста Виктора Чабаненко (автора уникального краеведческого историко-топонимического исследования «Великий Луг Запорожский»), Великий Луг состоял из двух плавневых массивов. Конские плавни протянулись (в основном по левому берегу реки) от острова Хортицы до самого узкого участка Луга между Микитиным Рогом и Каменным Затоном. Нижняя часть Луга, так называемый Базавлуг (Базавлугские плавни, Луг Базавлуг, Великая Плавня) охватывала днепровскую пойму от Конских плавней до острова Скалозубового, находившегося в устье реки Базавлук.

...Где, в каких пределах сегодня Великий Луг? Что осталось от его былого величия? Прежде всего, конечно, память. Пусть в архивах, книгах, старых картах и лощиях. Но всегда рядом, под рукой. «Умному достаточно», – как говорили древние. Еще есть цепочка больших и малых, пронизанных протоками, островов, которые десятка на два километров протянулись вниз по реке от южных окраин города Запорожья и врезались клином в каховское безбрежье. Это и есть тот легендарный плавневый Луг... Пусть его остатки – ничтожно малая часть. Однако именно она очень точно, ярко и значимо определяет природно-историческое лицо края за порогами, его первозданную пограничную сущность, со-

творившую феномен запорожского казачества.

Прекрасный, высокий и уютный остров

«Казачи сошли с коней своих, взошли на паром и через три часа плавания были уже у берега острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая свое жилище». Именно на этот самый большой на Днепре остров и привел своего главного героя с сыновьями Гоголь. Именно на этом островном пятачке писатель разместил сечевую столицу, именно его связал на века с буйным и веселым Запорожьем. Впрочем, ныне так и называется большой современный город, посредине которого находится уникальный заповедный остров. А как было на самом деле? Что здесь происходило в те далекие лихие времена? Об этом чуть позже. Сначала несколько слов о природе этого удивительного уголка земли.

Было Дикое поле, была Река и был Остров на ней. «Прекрасный, высокий и уютный», как говорили о нем путешественники. Вспоминаю одно летнее утро. Белесые волокна тумана повисли над озером. На черной воде ни всплеска, ни морщинки – тихо в утренних хортицких плавнях. Между метелками тростника краснеет солнце – жарким, веселым будет день! На суке старого осокоря примостилась серая цапля. Застыла, не шелохнется, будто век здесь сидит – на фоне светлого неба она похожа на сухую причудливо

выгнутую ветку. Вдруг птица дернула клювом. Внизу, возле зарослей камыша, раздалось чавканье, сопенье, потом скрежет и хруст. Огромный вепрь (кабан. – *Примеч. ред.*) медленно и степенно вошел в воду и стал переплывать протоку... Каждая подобная прогулка по заповедной островной земле, по ее водам, полям и скалам – откровение, восторг, открытие. Кажется, я побывал во всех самых живописных, укромных и отдаленных уголках Хортицы. Спускался в темные скальные расщелины, облазил балки, исходил вдоль и поперек дубравы и сосновые боры, обследовал плавневые протоки. Однако, когда в очередной раз попадаю на остров, не перестаю удивляться этому удивительному природному феномену. Представьте себе, что вы попали в музей, который раскинулся под открытым небом. Экскурсовод познакомил вас с дикими мшистыми скалами, потом их сменили глинистые кручи, через полчаса вы очутились в ковыльной степи, не успели надышаться запахами трав, как перед вами другая картина – буераки, овражно-байрачные леса, потом тропинка нырнула в сосновую рощу, потом пошли дубки, и наконец вы попали в плавни. И все это на сравнительно небольшом пятачке земли, которую можно легко обойти за день... Люди населяли эту благодатную во всех отношениях островную землю еще в доисторическую эпоху. На скалах вблизи северной оконечности Хортицы, названных в народе Три Стога, обнаружены остатки поселений, возраст которых более трех тысячелетий. И на самом острове немало укром-

ных уголков, ущелий и пещер, которые облюбовали древние жители. В глубь веков уходит своими корнями и само легендарное слово *хортица*. Потому так и противоречивы мнения ученых о его происхождении. Одни считают, что в нем звучит гордое имя Хорса – мифического повелителя Солнца у древних славян, другие – что это отголоски тюркского слова «орт» или «орта», переводимого как *средний* и связываемого с расположением острова между рукавами Днепра.

Первое из известных письменных упоминаний о Хортице датируется X веком. Это сочинение византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Нет ничего удивительного, что именитый император обратил внимание на днепровский остров. Дело в том, что в ту пору по Днепру мимо Хортицы проходил известный торговый путь «из варяг в греки». Византийские и скандинавские купцы, караваны славянских лодий непременно останавливались на острове, чтобы в знак удачного предприятия (скажем, преодоления грозных порогов) принести жертву тысячелетнему дубу, который возвышался на скалистом берегу.

«И поидоша на коних и в лодях, и приидоша ниже порог, и стаха в Протолчех и в Хортичим острове...» – узнаем мы из летописи по Ипатьевскому списку. Хортица хорошо была известна русским дружинам. Согласно легендам, тут бывали князья Аскольд, Дир, Олег, Игорь, княгиня Ольга. По преданию, в северной части острова на Черной скале в неравной схватке с печенегами сложил свою буйную голову храбрый

князь Святослав. Как свидетельствует летописец, в 1103 году на Хортице собирались древнерусские князья с дружинами для похода на половцев, а в 1223 году – защищать рубежи родной земли от татаро-монгольских орд. В южной части острова на берегу озера Осоковского археологи раскопали древнерусское поселение Протолче. Предполагают, что тут обитали загадочные бродники. И не просто жили среди роскошной плавневой природы, а выполняли ответственную задачу: охраняли днепровские броды, через которые враг мог легко перебраться с одного берега на другой. Многие считают, что бродники были предшественниками казаков-лугарей, а их землянки – прообразом запорожских сечевых куреней... Нет сомнения, что они тоже обратили внимание на эту землю. Запорожцев недаром называли *островными* людьми – на плавневых островах легко было спрятаться от врага, устроить засаду, пересидеть лихолетье. Вот что, например, пишет в своих путевых заметках посол австрийского императора Рудольфа II Эрих Лассота, побывавший на Хортице в начале лета 1594 года: «На этом острове мы переночевали; козаки имеют привычку держать там своих лошадей в зимнее время. Под вечер упомянутые выше козаки, которые, числом до 400, составляли стражу против татар у Будильского порога, присоединились к нам, а затем вместе с нами отправились в стан». В «Хронике» польского писателя Богуслава Машкевича (1647) можно прочитать, что на острове «всегда пребывает казачий гарнизон для предупреждения

татарских набегов: остров этот называется Хортица».

На острове что ни урочище, то легенда, что ни скала, то героическое событие, что ни криница (родник. — *Примеч. ред.*), то предание или забавная история. И многие из них связаны с запорожскими казаками. Вот как, например, вспоминал свое пребывание на легендарной Хортице классик украинской музыки Н. Лысенко: «Зайду бывало куда-нибудь в безлюдный яр. Днепро издалека видно, грушевые деревья — дички растут, поразбросаны кое-где. Бывает лежу на посохшей траве спокойно, и кажется мне: вот-вот из-за горы появится казак на коне в красном жупане. При нем и ружье и сабля острая. Ждешь его и песней вызываешь. Нет, не идет! Мертвая тишина вокруг, а сердце все полно звуков, слышатся мне и голоса могучие, и призывы громкие, шумит, бурлит казачье море. Так родилась в моем представлении музыкальная сцена Сечи Запорожской, которая потом и вошла в оперу».

Живописные углубления с пологими травянистыми склонами, укромными тенистыми полянками и таинственными сырыми овражками представляют собой едва ли не самое замечательное явление хортицкой природы. Более двух десятков больших и малых балок посекали берега Хортицы с восточной и западной стороны. Почти у всех балок есть свои имена. Много природных и исторических тайн хранят урочища острова, среди которых первое место принадлежит заповедным балкам. Вот что рассказывал один хортицкий старожил неугомимому собирателю казацкой старины Д. Явор-

нищкому: «В старые времена, бывало, как пойдешь разными балками острова, то чего только не увидишь: там торчит большая кость от ноги человека, там белеют зубы с широкими челюстями, там вылезли из песка ребра». Названия балок острова – это страницы его прошлого. В балке Совутиной жил запорожский *стадник* Совута, который наблюдал за пастухами и чабанами, в балке Чавуновой рыбак Чавун имел летнюю постоянку. В Музычиной балке запорожцы устраивали веселые гульбища – играли, пели, танцевали. Наумова балка названа в честь вице-адмирала Наума Сенявина, под руководством которого была заложена на острове судовой верфь. Возможно, здесь же в балке находится и пока не найденная могила адмирала, который умер на острове во время эпидемии чумы в 1738 году. Некоторые исследователи считают, что балка получила свое название от запорожца Наума Кармазя, который жил здесь. В Громушиной балке казак Громуха пас скот, поэтому балка еще называлась Громушины Роздолы. Эта балка была знаменита своими родниками. Про один из них в народе рассказывали, что на месте источника когда-то сражались турки с запорожцами. Целое озеро крови насобиралось после побоища. Поэтому вода в кринице красная, и грех ее пить. В балке Каракайке держал рыбацкий кош (стан. – *Примеч. ред.*) казак Каракай, в Генералке останавливался какой-то генерал. Широкая, или Оленья, балка известна тем, что в ее байраках было *кышило* гайдамацкого ватага Гаркуши.

В балке Капралке на восточной стороне жил отставной капрал, который сторожил Потемкинский сад. Напротив балки Костиной, где обитал запорожский рыбак Кость, расположен остров Розстебин, тоже названный по имени рыбака Розстебы. От вершины балки Шанцевой почти через весь остров тянутся земляные укрепления – *шанцы*, в сооружении которых во время русско-турецкой войны принимали участие запорожцы. Возле балки Ушвивой на одноименной скале запорожцы вытряхивали вшей из своих сорочек. В балке Великая Молодняга по праздникам собирались молодцы со всего острова, среди которых, вполне возможно, был и удалой казак Молодняга. Кстати, неподалеку (примерно в треугольнике между балками Совутина, Молодняга и высоткой Брагарня) обнаружены захоронения жрецов эпохи бронзы, ранних славян, запорожских казаков и российских солдат времен русско-турецкой войны. Рыбаки поведали одному краеведу, что однажды зимой, возвращаясь после рыбалки, увидели странные отблески костра, которые лизали черные стволы акаций. Подошли ближе и увидели силуэты людей в ветхих старинных одеяниях, что сгрудились возле огня. До онемевших рыбаков долетали обрывки какого-то бессвязного бормотания – то ли молитвы, то ли заклинания, то ли клятвы. Что это были за люди и что они делали возле костра – неизвестно, однако краевед уверен, что, учитывая близость древних могил, это могли быть призраки казаков-характерников (запорожские ведуны-чародеи. – *Примеч. ред.*), обитавших в вы-

рытых в хортицких балках пещерах и землянках.

Есть у Хортицы брат. Почти близнец. Его так и называют Малая Хортица. А еще – остров Байды. Даже внешне этот крохотный островок похож на своего собрата. Северная часть представляет собой холмистую возвышенность, обрамленную скалами, на севере – песок, плавневая растительность. Рвы и валы в северной части островка – это остатки укреплений, которые соорудил тут в середине пятидесятих годов XVI столетия князь Дмитрий Вишневецкий. Позднее эти укрепления были названы *городками* или *замками*. Многие считают Вишневецкого первым именитым *ватагом* запорожцев, а его крепость вблизи Хортицы – прообразом сечевых укреплений ниже по Днепру.

Смелость не только города берет, но и покоряет сердца врагов. Легендарному казаку Байде султан предложил в жены свою дочь при условии, что он перейдет в мусульманство. Однако запорожец отверг это предложение. Турки схватили молодца и подвесили его на крюк за ребро. Однако Байда и тут не растерялся. Хитростью заполучив лук и стрелы, он поразил самого султана. Народная дума почти в точности передает события, которые произошли с князем Дмитрием Вишневецким. Как и Байда, свою жизнь он закончил на крюке, за который зацепился, падая с башни. С нее прославленного запорожского рыцаря приказал сбросить после допросов и пыток турецкий султан Сулейман. Между прочим, тот самый, которого «женила» на себе украинка Роксолана («первая же-

на» Сулеймана Великолепного получила это прозвище от европейцев. – *Примеч. ред.*). Мучаясь от нестерпимой боли, князь продолжал прилюдно поносить султана и магометанскую веру. Турки стали расстреливать его из луков. Однако Вишневецкий не переставал поносить янычар. Как гласит предание, враги в надежде перенять его мужество якобы вынули у него еще живого сердце, порезали на мелкие кусочки и съели. Именем Байды-Вишневецкого и назван прилепившийся к Хортице островок на Старом Днепре.

Многие знаменитые казацкие предводители оставили свой след на Хортице. В 1619 году гетман Петро Конашевич-Сагайдачный построил в северной части острова на возвышенности у Совутиной скалы укрепление для поддержки казацкого гарнизона. Есть свидетельства, что на острове побывали казацкие ватаги, руководители народных восстаний Жмайло, Тарас Трясило, Иван Сулима, Кизим и другие... Хортица входила в территорию Войска Запорожского, и именно на него в разные времена и разными правителями возлагалась защита этой уникальной островной земли. Кстати, с именем командира Хортицкого форпоста (он устроен был на острове во время русско-турецкой войны 1768–1774 г.) запорожского полковника Ивана Бабуры связано название села Бабурки. Так в народе стали называть и огромный городской микрорайон на правом берегу. Как бы там ни было, но остается неоспоримым факт: Хортица – единственный сохранившийся до нашего времени большой днепров-

ский остров, на котором стояли пешие и конные отряды запорожских казаков, обустроивались их зимовники.

Сегодня в плавневой части острова (кстати, неподалеку от древнего Протолче) за высоким сечевым частоколом находится знаменитый конный театр «Запорожские казаки», в котором потомки славных запорожцев демонстрируют искусство верховой езды, смелые трюки на конях, казацкие забавы. На территории театра размещен и Музей днепровского судоходства, где выставлены поднятые со дна реки корпуса различных судов казацких времен. Время проходит и ничего не возвращает; однако то, что прошло, не исчезло бесследно, не забылось — осталось в памяти земли и народа.

По казацкому следу

...Стоял апрель – чистый, прозрачный, звонкий. Дали были открыты, дороги прямы и стремительны. Иногда, правда, мы сворачивали с наезженных «шоссеек» и по едва заметным тропкам спускались к реке. На плотном прибрежном песке отчетливо были видны следы. Они и вели нас вниз за солнечной вешней водой. Миновав пороги, река будто удивилась плавневому простору, чуть приостановила свой бег, а потом вольно и плавно понесла свои воды к югу. От острова к острову. От мыса к мысу. От балки к балке. Так мы и продвигались от острова Хортицы по низовым землям бывлой запорожской вольницы, по заповедным казацким урочищам Великого Луга, где располагались сечевые столицы запорожцев и хутора казаков-зимовчаков. И древние курганы, и старые могильные кресты, и просмоленные челны на солнечных пляжах, и корни, торчащие из глинистых обрывов, и костры на обочинах – все это прочно и надолго легло в память. И еще не раз в ней всплывет и вызовет воспоминание и щемящую грусть о дороге, у которой нет ни начала, ни конца. И вновь протрубит ветер странствий. Поманит, позовет за собой... Надеюсь, что не только меня.

Белогорье

...Пучки сухих трав, торчащие из песка, были похожи на казацкие чуприны. Они трепетали на ветру, отпугивая малых птиц. Те торопливо пробежали по песчаным откосам, оставляя узкие цепочки следов. Внизу темнел Днепр – весенний, холодный, молчаливый. Вода удивительно чистая и спокойная. В ней мудрость и сила, но и печаль. Река легко рвет камни, а уж песок...

После острова Хортица – это первая наша остановка. У «знаменитой в истории запорожских казаков» Лысой горы слава давняя. Я спросил у дедка на окраине села про дорогу к этой достопримечательной днепровской вершине. «Так вы ж, хлопцы, на горе и находитесь», – пожал плечами старожил. Я удивился, но тут же понял, что вершина дала название и всей местности, и селу.

В недалеком прошлом Лысая гора тянулась вдоль берега почти на два километра. Путешественники даже называли эту примечательную местность Белогорьем, а непосредственно саму гору – Белой (от горы и название соседнего села Беленькое).

Издавна путешественников привлекали песчаные холмы, что возвышались над плавневыми островами. «Эти бугры такие высокие и крутые, – вспоминали днепровские старожилы, – что не каждый и взойдет на них; а ямы глубокие, зарос-

ли березой, кустарником да хмелем так, что и дна не видно. Странно: там живет зверь разный и плодятся змеи и душегубы». Их по-разному называли – и буграми, и кучугурами, и могилами, однако чаще всего – горами. На степной плоскости любой холм – уже вершина, любой бугор – уже высотка, любая возвышенность – уже гора. Издревле степь не могла смириться с этими горными выскочками, что возвышались над травами и шляхами (дорогами. – *Примеч. ред.*). Злые степные ветры стесывали со склонов любые ростки, в мгновение ока оголяли вершины, являя их никчемную суть. Так вот наши горы и стали «лысыми». Самой же высокой и приметной вершиной была Лысая гора на правом берегу Днепра. Вершина ее как бы парила над Великим Лугом. «Лысую гору далеко видно и со степи, и с плавней. Веселое место! Глянешь оттуда – как на ладони все: и Днепр, и плавни, и слобода! На этой горе везде песчаные кучи да ямы, будто крепость какая!» – рассказывали старики. Крайние хаты Лысогорки сегодня находятся почти вровень с ее вершиной – ветры и люди сделали свое дело. Взобраться на нее не составляет труда. Восхождение на песчаный холм – не более чем пляжная прогулка. Однако вид с вершины по-прежнему впечатляет. Все плавневые островки и урочища как на ладони...

Проявилась ли в этом какая-то закономерность или дорожная судьба так распорядилась, однако лысогорская степь все время заставляла сворачивать с асфальтового больша-

ка. Лысая гора обнаружилась на северной окраине Никополя, где когда-то находилось село Новопавловка. Мы не поленились, съездили туда. Довольно живописный берег. Есть и уютные пляжики, и тенистые полянки, и таинственные овражки. Песка, правда, здесь маловато. В основном – глина. На эту гору обратил внимание еще наблюдательный Эрих Лассота. «Прошли мимо Лысой горы на левой, русской, стороне и Толстые Пески, большие песчаные холмы на татарском берегу», – писал он в своем путевом дневнике. Из исторических документов 1767 года известно, что здесь когда-то стоял запорожский сторожевой пост, находилось казацкое кладбище.

Лысые горы оказались каким-то образом привязаны к Запорожским Сечам... Неподалеку от Каменской Сечи находится еще одна Лысая гора. Трудно сказать, как она выглядела в прошлом. Сегодня это просто бугор над Днепром. В селение Крынки на берегу Конки, которая протекает параллельно Днепру ниже Каховки, мне рассказали о Лысой Могиле в Алешковских песках. Место это засажено соснами. Однако могила по-прежнему остается лысой.

Пушина

...Сначала я увидел огромного полоза, который грелся на солнце. Учувяв меня, змея тихо соскользнула в сухую траву. Я последовал за ней и заметил глинистую щель. Чуть ниже ее круто вниз спадали ступеньки. По ним мы и спустились на дно оврага. Это было мрачное глинистое ущелье. Вверху голубело небо. Тут же внизу было сумрачно и сыро. Из глинистых круч торчали обрывки корней. Где-то здесь, по словам дачника, что указал нам тропку к роднику, до сих пор видна кость какого-то допотопного животного. Так я очутился в балке Пушинной (местность вокруг нее называют просто Пушиной). За Пушиной – Червонные заборы (заторы), село Червоноднепровка и следующая балка Червонная. Название, скорее всего, от цвета глины. Однако народ по-своему трактует этот топоним. Рыбак Василь Веремеенко из Червоноднепровки выдал, например, такую версию: «Забрел сюда казак, которого запорожцы за какую-то провину выгнали с Хортицы. Видит – в балке татарва окошилася. Тогда он вернулся к сечевикам и рассказал про бусурманское логово. Пришли казаки и всех перебили. Порубали наголо. Кровь рекой лилась. Всю балку залила, в Днепре камни почервонели. Так вот тут все на червонный манер и прозвали. Може, все и не так было, но как нам деды рассказывали, так и я вам докладую».

Тарасово гульбище

«В 1740 году здесь поселился отставной войсковой запорожский старшина, – какой-то Тарас, завел огромный зимовник и со своими хлопцами, со своей челядью и наймитами, занимался скотоводством и хлебопашеством, жил долго и умер, оставляя имя свое, на память зимовнику и этой местности» – так в одной старинной книге написано о нынешнем селе Вышетарасовка (это уже соседняя с Запорожской Днепропетровская область). Мы не могли миновать его по многим причинам. Наш маршрут пролегал по бывшим Сечам. Возле них мы также искали следы прототипов литературных героев. Гоголевский Тарас Бульба – фигура колоритная, знаковая, это сила и дух казачества, его вдохновенный образ. Среди запорожских старшин немало было Тарасов (вспомним того же Тараса Трясилу). А были ли Бульбы? В селе Вышетарасовке Бульб, увы, не оказалось, зато рядом нам показали так называемое Тарасово Гульбище, где, по-преданию, полковник Тарас и другие старшины после походов устраивали пиры. От балки Червоной до Вышетарасовки вдоль берега тянутся так называемые Заломы – глинистые обрывчики, яры, провалы, расщелины. «Место очень грандиозное, очень живописное и очень удобное для тех, кто желал бы скрыться в нем от кого-нибудь», – писал об этой характерной местности один исследователь. Рассказывают, что до са-

мого села здесь когда-то под землей тянулся тайный казацкий ход – *пролаз*. Километрах в четырех от Вышетарасовки посреди Заломов и находилась идеально ровная высокая площадка, которую в народе издревле называли Тарасовым Гульбищем. Когда-то здесь стоял огромный каменный стол с такими же лавками вокруг. Рядом устроен был винный погреб, который запирался железными дверями. Здесь казаки «пили, ели, прохлаждались и с огромной высоты горного отрога любовались широким и далеким Днепром». От Гульбища сегодня почти ничего не осталось – все смыли воды Каховки. Однако вышетарасовцы по-прежнему любят проводить здесь праздники. Особенно много людей собиралось на Пасху. Приезжали даже с окрестных сел. Кстати, по свидетельству Яворницкого, текст знаменитого письма турецкому султану был найден им именно в Вышетарасовке.

Хата казака Несвата

Эта хибарка стоит в селе Ильинка в огороде учительницы Лидии Ивановны Дубачинской. Живет она на Хуторе. Так называется один из многочисленных *кутков* (*кут* – угол. – *Примеч. ред.*) села. Раньше оно именовалось Грушевкой. Именно здесь провел последние дни своей жизни знаменитый Сирко (легендарный кошевой атаман запорожцев, непобедимый воин и *ведун-характерник*. – *Примеч. ред.*). Тут на своей пасеке он и умер. Об этом свидетельствует памятный знак на краю села. Зимовник, в котором обитал прославленный казацкий ватаг, мог быть в точности похожим на эту чудом сохранившуюся старинную хату. Я всю ее облазил. Забрался даже на чердак. Обшарил все его закутки и нашел старый *рогач* (ухват. – *Примеч. ред.*), какие-то черепки, ржавый обломок ножа, сухие кукурузные початки... Внутри хаты на стене вдруг увидел выцветшую фотографию в грубой рамке.

– Это баба Онися Несватиха, – объяснила Лидия Ивановна. – Девяносто пять лет прожила она тут. Когда умирала, говорит: «Заплетите мне в косу красную *стричку* (строчку, ленту. – *Примеч. ред.*), бо я божа невестка (то есть незамужняя девушка. – *Примеч. ред.*)». Сильная была старушка, у них весь род такой. А хата эта принадлежала казаку Денису Несвату. У бабы даже грамота хранилась. Я ее сама, своими

глазами видела, супруг мой может подтвердить – он тоже читал. Там написано: «Хутор этот подарен казаку Несвату...» Дальше не помню. А в конце подпись Богдана Хмельницкого...

– А где сейчас эта грамота?

– Баба в конце всех и вся боялась. Грамоту ту так уже кохала, так берегла. Куда сховала, никто и не знает... Давайте я вам лучше свои *вириш* (стихи. – *Примеч. ред.*) прочитаю...

Мы уезжали из Ильинки под вечер. Было тихо и тепло. Предзакатное солнце выкрасило белобокие хатки в розовый цвет. Груши еще не зацвели, но в них чувствовалась будущая щедрая сила – говорят, что груш здесь на деревьях больше, чем листьев. Это еще впереди, а пока ранняя апрельская пора – сквозь голые ветки просвечиваются хаты, огороды, па-секи, кладбищенские кресты, плавневые камыши, речушки и балки... Просвечивается прошлое?

Островитяне

– Давайте, хутчее, собирайтесь, я вам все казацкие места покажу.

Зинаиде Алексеевне Будимко уже за семьдесят, однако мы едва поспеваем за ней. Через огород поднялись на бугор и увидели возле дороги большой крест. Символично название села, где живет старушка. Называется оно просто Островом. Это своеобразная память о Великом Луге, в котором было 264 острова! Томаковский (его еще называли Буцьким, Днепровским) – один из самых больших. На нем и располагалась Томаковская Сечь. О ней знают почти в каждой «островной» хате. Не только знают и помнят, но и могут показать места казацких могил, окопов, валов, тайных ходов. От креста с нашей шустрой и веселой провожатой мы обошли всю островную землю. Возле сада старушка показала нам бугорки, под которыми покоился запорожский прах. Потом мы спустились к Городку. Так островитяне называют место, где находились казацкие укрепления.

– Вот здесь, где крайняя хата, как раз проходил вал, а на том месте, где сейчас стадион, – земля там, видите, вроде, как осела – были казацкие *схованки* (укрытия. – *Примеч. ред.*). Баба Тертишиха рассказывала, что сама видела в обрыве по-над водой дубовые двери. Открыла их, а оттуда как потягнет, как заревет... Не иначе, ход внутрь острова там

был. Хлопцы малые, когда еще коммуна у нас тут была, лю- ки находили. Открывали их и под землю спускались. Видели крюки, что из стен торчали. Может, к ним запорожцы чай- ки свои привязывали? Прямо с Днепра заплывали и прятали в горе. Разное люди рассказывают. Тут столько битв было, столько крови. Весной, во время паводка, вода, что с запа- да остров затопляла, аж иржавой становилась. Не иначе то кровь из земли вымывало...

Вода подмывает берега, ветер превращает в пыль курганы. Однако мы не можем жить без желания оглянуться, вспом- нить, не можем шагать по дороге и не думать о ее начале. Па- мять постоянно уносит в прошлое. Не всегда там покойно и уютно, не всегда справедливо. С какой меркой подойти? Как судить? А главное – судьи кто? Пусть будет просто память – под разными крышами и фасадами, в различных одеяниях, образах и ролях, по-разному окрашена и озвучена. Память эта всегда с нами – во всех наших делах и устремлениях.

Возле древнего перевоза

...На ночь мы расположились в старом полуразрушенном здании местного музея. Мой спутник разместился на единственной кровати, я же разыскал на складе фанерный щит и улегся на полу. Из темных закутков тянуло сыростью, поэтому весьма кстати пришлась предложенная сторожем овчинная шуба. Она укрыла и убаюкала меня, навевая сладкий сон. Такими бурками накрывались в походах запорожцы, под такими кожушанками дремали на возах чумаки (транзитные торговцы и перевозчики, «дальнобойщики» Средневековья на волах. – *Примеч. ред.*), что двигались к переправе на Микитином Роге. Место торговое, бойкое – еще со времен скифов здесь кипела жизнь. Более двух с половиной тысяч лет назад тут находилась переправа, через которую скифы везли криворожскую руду к расположенному на левом берегу административному и ремесленно-торговому центру Скифии. Позже через мыс пролегал торговый Солоный шлях. По нему день и ночь двигались чумацкие валки (караваны. – *Примеч. ред.*). Название поселению дал запорожец Микита Цыган, который обосновался здесь где-то в начале XVI столетия. Собственно, и Сечь, которая перенесена была сюда из Базавлукских плавней, тоже именовалась «перевозом». Микитинская Сечь в отличие от других казацких столиц находилась не на острове, а на слабо защищенном с суши мысу.

Почему так случилось? Неужели казацкие стратеги просчитались? Отнюдь! Дело в том, что на строительстве запорожского городка в этом месте настояли поляки, которые в то время контролировали и сам перевоз, и прилегающие к нему земли. Рядом с сечевыми укреплениями расположился польский гарнизон, который наблюдал за действиями запорожцев.

Однако поляки недолго правили здесь бал. В 1648 году Богдан Хмельницкий овладел всеми укреплениями на мысе. Польские вояки бежали, реестровые казаки перешли на сторону запорожцев. И тут же на сечевой Раде Хмельницкий был избран гетманом Войска Запорожского. Сегодня памятник батьке Хмелю стоит в историческом центре города рядом с древним перевозом и сечевым городком, ушедшим под воду. К памятнику ведет улица Ивана Сирко, неподалеку булыжниковый Никитинский *узвоз* (спуск), соседствующая с набережной улица Запорожская. Никоподем местечко было названо в 1782 году в честь победы царских полковников над запорожцами. Много после этого на этой земле было других битв и побед. Памятник прославленному казацкому ватагу, как и названия улиц, – последняя победа. Торжество запорожского духа, казацкой славы. Победная поступь здравого смысла.

...Над Микитиным Рогом низко проносятся чайки. Мыс размывают воды Каховки. Берег обложили камнями, с которых никопольчане удят рыбу. Гранитные валуны укрепили

остатки древнего мыса. Укрепили память?

При Чертомлыкском Днеприще...

...Потрескивал сухой тростник. Волны лениво плескались о лодку с корявой надписью по борту «Сирко». Гоготали о чем-то своем сытые чайки. Я забыл о дороге, которая меня сюда привела, не думал о пути, что предстоял. Время будто остановилось и растеклось по высокой и удивительно свежей в эту чистую ранневесеннюю пору воде. Передо мной на песке лежала груда черепков, которые я без особого труда и рвения насобирав на Капуловском мысу. Он заканчивается характерными обрывчиками и ярами, которые местные жители называют *осовинами*. За день в них можно набрать целую корзину древней глиняной всячины. Когда я вечером разложил перед одним местным краеведом черепки, он равнодушно стал сортировать их: «Это скорее всего скифы... Это от амфоры... А это уже казацкое...»

На капуловском берегу можно встретить кладоискателей разных мастей. Здесь им и рыть глубоко не надо – ходи по пляжу и смотри повнимательней под ноги. Капуловка в Никопольском районе на Днепропетровщине – село знаменитое. Здесь «при Чертомлыкском Днеприще» издавна обитали разные народы. Щедрый плавневый край многим пришелся по душе. В реках – рыба, в озерах – дичь, в плавневой чаще – зверь, в степи – выпасы: сытно, тепло, вольготно. Где и зачем искать другой судьбы? И от напастей разных да ли-

хих людей можно легко и водой себя окружить, и окопаться, и крепкой засекой отгородиться. Так и поступили запорожские казаки, основав здесь Чертомлыкскую Сечь. Возникла она не на пустом месте. Польский король Стефан Баторий, желая укрепить южные рубежи, дал запорожским казакам грамоту, в которой закрепил за ними их плавневые вольности. Так здесь, как считают некоторые исследователи, возникла первая Баториева Сечь. Потом не где-нибудь, а именно тут, при речке Чертомлык, была заложена Базавлукская Сечь. Капуловцы во всяком случае в этом не сомневаются. Как и в том, что Чертомлыкская Сечь была самой славной и легендарной страницей в истории казачества.

Два памятника

Один стоит во дворе капуловской школы, другой – за селом на кургане. Памятники одному и тому же человеку – знаменитому запорожскому атаману Ивану Сирко. Однако бюсты на постаментах разные. В чем дело? Известно, что Сирко, который провел больше пятидесяти битв и ни одной не проиграл, был великим характерником. Мог, например, по признанию очевидцев, принимать различный облик... Таинственный ореол вокруг его имени и образа не померк и после смерти. Умер Сирко у себя на пасеке в селе Грушевке (нынешняя Ильинка). Тело перевезли в Чертомлыкскую Сечь, где и похоронили с надлежащими почестями. В 1709 году, когда царские войска напали на Сечь и разорили многие казачьи могилы, запорожцам удалось спрятать останки атамана. По преданию, они хранились в тайной плавневой казачьей скарбнице. Когда запорожцы после Олешья вернулись в эти места, то перезахоронили своего именитого ватага на новом месте. Старым Сирком в Капуловке и поныне называют это первое его захоронение на краю Капуловского мыса. Когда-то здесь на огороде капуловчанина Мазая стоял могильный камень, теперь – просто памятный знак на краю села. Любой капуловчанин укажет вам к нему дорогу. В селе много любителей казацкой старины, некоторые могут часами (причем с колоритными подробностями, точными дета-

лями!) рассказывать о Сирко и его боевых побратимах. Владимир Михайлович Саламаха, например, уверен, что его далекий предок Михайло Саламаха был слугой – *джурой* у кошевого. Старый капуловчанин, которого здесь почитают за великого казацкого авторитета (одно время он даже был атаманом местных казаков) и талантливого неугомонного рассказчика, поведал нам и о последнем бое Сирко, и о том, как он умирал у себя на пасеке в Грушевке, и что случилось с его капуловской могилой, когда Чертомлык был разорен царскими войсками. На прощание, смахнув слезу, Саламаха прочитал стих: «У Капуливци на городи Мазая старого е могила великого Сирка кошевого, и казали стари люды, що в далеки роки сам атаман невмирущий та й по Сечи ходыть».

На Капуловском мысу в 1956 году (уже после образования Каховки) и был установлен бюст атамана. Портрета его не сохранилось, и днепропетровские умельцы-литейщики взяли за основу изображение Сирко на известной картине Репина. В 1967 году, когда море подступило к могиле, останки решили перенести за село на Сторожевую (Бабину могилу). Состоялось еще одно захоронение казацкого характерника. В новой могиле атаман оказался... без черепа. Его отправили в Ленинград в лабораторию антропологической реконструкции. И вот в 1971 году ученые явили миру настоящий облик кошевого. В 1980 году (через триста лет после смерти Сирко) на могиле установили новый бюст. Старый хотели отправить на переплавку, однако капуловские краеведы,

посчитав, что это тоже память о легендарном герое, *вытребовали* его у начальства и водрузили на постамент во дворе школы. А что же череп? В 1990 году он вернулся на Украину. Долгое время кочевал по разным музейным хранилищам и сейфам, не давая покоя их владельцам. Наконец в 2000 году он оказался там, где ему и положено было покоем, – в могильной толще древнего кургана.

Подобного нет нигде в мире. Два облика – два разных бюста. Но один атаман, один легендарный герой и одна долгая память.

Последний оплот

– Все сплыло, все стерлось, – покачал головой старик и смахнул слезу. Солнце неярко и мягко светило сквозь облачную дымку. От огородов, где сажали картошку, тянуло сладковатыми дымками. Над голыми садами вспархивали голуби – то ли встречали весну, то ли провожали зиму. По крошечному ракушечниковому пляжику бродили сонные чайки. Ничто здесь, в Покровском (по тропке над береговым обрывом до него от Капуловки часа два езды на велосипеде), не напоминало о былом казацком духе края. Лишь две плиты в центре: на одной громкие, но, увы, холодные неживые слова о том, что тут была последняя Запорожская Сечь, на другой – память о последнем кошевом атамане Петре Кальнишевском. Еще есть название магазинчика – «Новая Сечь». Вот, пожалуй, и все. Случайный путник, избалованный заморский турист пройдет мимо и не оглянется. Мне же захотелось узнать побольше, попытаться проникнуть в суть.

Готовясь к экспедиции, в одной старой книге я нашел такую запись о местечке Покровском: «Это гнездо Запорожья, – главное *виталище* (пристанище, приют. – *Примеч. ред.*) сечевого запорожского казачества». Казаки были воинами, свой наемный хлеб отрабатывали пограничной службой и походами, однако, по мере того, как расширялись границы империи и осваивался дикий степной край, все больше

становились хозяйственниками. Причем вольными, сметливыми, рачительными. После 1734 года, была основана Новая Сечь, военный казачий орден превратился в экономическое сообщество. Земли, подконтрольные ему, стали *вольностями* Войска Запорожского. Они делились на восемь административных округов-паланок. Около четырех тысяч казачьих хуторов-зимовников на этой территории были гнездышками – *виталищами* нового Запорожья. Его республиканский и рыцарский вольный дух не устраивал имперскую власть. Сечь была уничтожена. Однако дух Запорожья остался. Это дало основание многим авторам считать Покровское едва ли не символом запорожского казачества, его главным гнездом. Всех поражала красота этих мест, характерность и гордая осанка селян, многие из которых считали себя потомками сечевых рыцарей. «Что за красивые люди в Покровском!» – восклицал Афанасий Чужбинский, путешествуя по низовьям Днепра. Александр Довженко писал о Покровском: «Это одно из самых красивых сел, которые я видел в Украине».

...Покровская сечевая церковь находилась метрах в двухстах от усаженного вербами нынешнего покровского берега. Водолазы довольно точно определили ее место. Над ним был установлен буй с крестом. Потом его снесло льдом. Мне рассказывали, что у покровцев спрятаны иконы из сечевой церкви. Когда я спросил, где, у кого они находятся, мне тихо, с укоризной ответили: «Разве ж о таком говорят». У каж-

дого своя дорога к храму. Даже если он далеко в прошлом.
Память его и там достанет.

Где Базавлук?

Мы заночевали на насосной станции в ста метрах от камня, на котором выбито: «Здесь на одном из днепровских островов временно находилась Базавлукская Запорожская Сечь». Именно здесь речка Базавлук сегодня впадает в Каховку. Впадает, правда, не сама по себе (уровень моря оказался выше речных вод), а с помощью мощных моторов. С дамбы открывается панорама широкой пойменной долины Базавлука. Предзакатный луч прорвался сквозь тучи и будто рассек этот удивительный камышово-озерный край. Раньше эту «великую плавню», отталкиваясь от названия реки, именовали Базавлуком. Это была нижняя часть знаменитого Великого Луга. Здесь запорожцы и решили укрепиться, после того как татары разрушили Томаковский городок. Кстати, именно после Базавлука казацкие плавневые столицы стали официально именоваться Сечами.

– Вон там, километрах в двух от берега еще недавно находился островок, – показал местный рыбак на серую гладь Каховки. – Мы его Грушевским, или Змеиным, называли. Село тут такое было – Грушевский Кут. После того как плавню затопило, все змеи к нам сюда перебрались. Весь остров прямо кишел ими. И кости разные там находили. Жутковатое место. Может, поэтому казаки тут и обосновались. Им плавневое гадье только на руку было – охраняло их скарбы

от басурманов...

На этом ли островке находилась Сечь или на другом — неизвестно. Казаки умели хранить свои тайны. Кстати, помогала им в этом сама плавневая природа. Весь комплекс островов в этом месте, где Днепр расширялся до семи километров, назывался Войсковой Скарбницей. Тут можно было спрятать не только пушки и провиант, но и целую флотилию. Остров Базавлук как раз и защищал вход в Войсковую Скарбницу. Кстати, именно отсюда Петр Сагайдачный отправлялся в далекие морские рейды, именно здесь прославленный ватаг вынашивал планы дерзких набегов на прибрежные крепости. С Базавлуком связано и имя посла австрийского императора Эриха Лассоты, который прибыл на Сечь, чтобы уговорить казаков выступить на стороне австрийцев против турок. Посол подробно описал, кто и где его встречал, как выглядела местность и сама казацкая столица. Увы, многое (если не все!) скрыла вода. Я стою на берегу ее огромного хранилища. Вечереет. От базавлукских болот тянет сыростью. С моря ушли последние лодки. Зажглись первые звезды... Все и вся под ними. По чьей злой или доброй воле разлилась эта вода? Теперь это уже не важно. Были реки, озера, заливы-бакаи, стало — море. Не ахти какое, но есть простор, дали, свежий ветер, паруса, причудливые берега. И есть вода. Много воды. Она и похоронила запорожские скарбы (движимое имущество. — *Примеч. ред.*). Как того и хотели казаки...

На речке Каменке

Белая щебнистая дорога закончилась. Берег круто ушел вниз. На той стороне залива, который, разветвляясь по балкам, на десяток километров уходил от реки, серела гранитная глыба Пугача. Я стоял возле старинного могильного креста и думал, почему именно это место запорожцы выбрали для своей сечевой столицы? Может, скалы по берегам речки Каменки напоминали казакам о родных порогах? И в плавневых урочищах здесь было чем поживиться, и степного приволья было достаточно, и чащи по балкам да буеракам такие густые, непролазные, «каких не выдумать и самой разнообразной фантазии человека». И пограничных опасностей, которые были своеобразным военным хлебом казаков, тут с лихвой хватало. Ведь Каменская Сечь была основана на границе между Османской империей и Россией. Сюда запорожцы во главе с прославленным ватагом Костей Гордиенко (ему и установлен крест на берегу) перебрались в 1709 году после разгрома Чертомлыкской Сечи. «Вот так смаковали мы новую жизнь, благодаря султану, ожидая, пока нас не попросят на новый танец», – писали запорожцы о своем новом пограничном житье-бытие. Было оно в общем-то не таким уж и плохим, во всяком случае привычным, однако граница есть граница: сегодня разделяет государства, завтра – соседские огороды, сегодня роднит, завтра ссорит. Через пару лет

царские войска потеснили турок, несладко пришлось и запорожцам. Они подались южнее. А через четверть века опять вернулись к ставшим родными каменским балкам и кручам.

Сегодня место сечевого городка сразу за околицей села Республиканец Бериславского района Херсонской области. Тут и покрытый мшистой ржавчиной, побитый ветрами и шальными пулями могильный крест Гордиенко (на нем даже можно разобрать слово *атаман*), и памятник ему, и знак на месте раскопок (впервые здесь был раскопан сечевой курень), и пещера-грот на днепровском каменистом склоне, и развалины старинной помещичьей усадьбы. Уже давно не дикий, но по-прежнему замечательный уголок. Его создала и обласкала щедрая природа, а обиходили, поместили люди. Они же и запустили его...

На окраине села возле старого кладбища местные жители показали мне обломок древнего креста, наполовину засыпанного глиной. Я расчистил его и даже попытался гвоздем процарапать буквы и цифры. Время уничтожило следы – стерло слова и даты. Что оставило? В селе уверены, что крест был установлен над казацкой могилой. «А по этот бок дороги, видишь, бугорки, и камень выступает. Там казаки лежали, а тут турки своих хоронили», – объяснил вызвавшийся сопровождать меня бездельный, однако шустрый словоохотливый мужичок с мутноватыми глазами. Я не стал уточнять, что и как здесь происходило два-три века назад, как рядом могли оказаться эти захоронения. Свой крест у каждого в

жизни и свой крестный путь к звездам. Вечный покой среди них и могильных крестов. Мир праху всех, кто лежит под ними...

Олешье

...День выдался жарким, однако было сухо и ветрено. Над песчаными дорогами вихрились маленькие смерчи. Песок чувствовался даже на зубах. А слева тянулись плавни. В это время года они еще были неряшливыми, серо-белесыми, дымчатыми. Пейзаж разноцветили лишь зеленые лужки с желтыми крапинками одуванчиков да голубая лента Конки, что тихо трудилась рядом с Днепром, пробиваясь через тростники и плавневые поломы к морю. По этой реке когда-то и приплыли сюда запорожцы, основав напротив устья впадающей в Конку речушки Пазнюки Алешковскую Сечь. Пришли не по своей воле, пришли не хозяевами – гостями, под надзор турецких властей, однако быстро освоились на новом месте и даже церквушку из камыша соорудили.

Здесь когда-то находилось легендарное Олешье – опорный пункт Киевской Руси в низовьях Днепра. Уже во второй половине XI века тут возле перевоза через Днепр напротив нынешнего Херсона возникло крупное поселение. Оно играло настолько важную роль на торговом пути «из варяг в греки», что в некоторых византийских и итальянских источниках даже сам Днепр именовался по одному из средневековых названий Алешек – Ерексе. Некоторые исследователи расшифровывают Олешье как *ольха* или *елоха* – покрытую кустами болотистую низинку. У простого люда этот «непоча-

тый уголок» с его песками и плавневыми пущами неизменно ассоциировался с диким отшельем, где обитало *леише* (лешие).

Запорожцам, характерники которых по слухам водили дружбу с разной степной и плавневой нечистью, все это было только на руку. Хоть к черту в зубы, лишь бы – своя воля, своя река и своя дорога по ней. Рыбы здесь было даже побольше, чем в Великом Лугу, птиц и зверей по окрестным плавням тоже хватало. Был здесь когда-то дозорный пункт русских дружинников, стал казацкий низовой сечевой дозор. Он сейчас на окраине нынешнего Цюрупинска – крупного районного центра на Херсонщине. Здесь на пустыре – и крест, и памятный знак, и колокол на воротах, который созывает местных казачков. Звон плывет над рекой и песками, плавнями и сосновыми лесками. И будит память, и указывает ей дорогу...

* * *

Река понесла свои воды дальше на юг. Нам уже не по пути с ней. Пора возвращаться к своим берегам. Что там за дымчатой далью? Чья дорога, чья судьба? Пусть об этом узнают другие...

Шаг за порог

– Держи глаз чуть левее балки – прямо на бакен, – сказал пастух с тонкой жилистой шеей и маленькими искристыми глазками. – Там и был порог.

С пригорка не было видно села. Даже самые высокие дома его утопали в яблоневых и вишневых садах. Зато Днепр от берега до берега – как на ладони. Приближался полдень. Над рекой горкой громоздились облака. Они выплыли из-за бугра и тут же отразились в тихой светлой воде. Как раз в том месте, где проходил Вовнигский порог. Вдруг среди облачных клубов я заметил черное пятно. Показалось даже, что это каким-то чудом явил себя один из валунов порога. Я оторвал взгляд от воды, и тут же все разъяснилось: среди облаков на небе появилась темная тучка.

Будто угадав мои мысли, Иван Смеюха (так звали сельского пастуха) указал на реку длинным шестом с привязанной на конце зеленой тряпкой.

– Сейчас тех порогов нет и в помине – сгнули под водой. Может, уже там и замулились. А вот раньше...

Что сиюминутно, сегодня, а что раньше, очень давно – в глубине веков и даже тысячелетий? Что перед глазами, а что скрыто в земной толще, под водой? За ответами на эти вопросы я и отправился в экспедицию по местам, где проходили днепровские пороги. Мой путь вдоль реки (со старым

спутником и испытанным в прошлых поездках по казачьим местам велосипедом) пролегал сначала вверх по правому берегу, потом по местам, где проходили пороги, а как по ступенькам спустился вниз по левобережью.

У каждой большой реки своя характеристика, свои вечные символы. На одной старинной карте земли по правому и левому берегу нижней и даже устьевой части Днепра были названы Запорожьем. Сегодня это Запорожская, Днепропетровская, Херсонская, частично Донецкая и Николаевская области, когда-то был один вольный степной край – Запороги, Запорожье. Над порогами, возле порогов, за порогами – каменная преграда поперек реки стала природным рубежом, географической широтной чертой, по-своему раскrojившей прилегающие к речному протяжению земли, пограничной полосой, разделяющей эпохи и народы, своеобразной путевой вехой, точкой отсчета. «О, Днепре-Славутичу! Ты пробил еси каменные горы!» – именно так когда-то обращался автор «Слова о полку Игореве» к великой реке. Без этих «гор», сквозь которые с грохотом прорывался днепровский поток, как, впрочем, без степи и плавней нельзя представить казачий край, реконструировать его пограничный облик, ощутить в полной мере вольный дух и славу предков.

Между берегами

Мой спутник остался сторожить велосипеды в балочке, а я поднялся на скалу. Внизу, круто выгибаясь, искрились на солнце водяные струи. Они то перекручивались, то ныряли друг под друга, то сплетались в узлы, то сшибались лбами, пенисто всплескиваясь. Хоть и высокомерно я стоял, но было отчетливо слышно, как внизу терлась о камни вода: бормотание, шепот, вздохи, постанывание. Можно день просидеть на скале, ночь продремать вместе с рыбаками на плоском камне у самой воды, на неделю рядом в балочке задержаться; год пройдет, век просочится – все те же звуки, те же разговоры реки со скалами. О том же диалог тысячу, две тысячи лет назад. Может быть, и раньше...

Как было? На своем пути к морю речной поток встретил докембрийские граниты Украинского кристаллического щита. Обойти? Свернуть в сторону? Затеряться в ковыльных степях, обрести покой в камышовых зарослях? Были, конечно, и окольные пути: часть днепровской воды уходила в плавни, разливалась по старицам и пойменным рукавам. И все же основная дорога Днепра-Славутича пролегла через древние граниты. «Иду на вы!» – громко сказала река и ринулась через каменистую преграду. Где она сегодня? Куда делась после того, как люди решили усмирить поток и построили «перемычку» (так селяне в районе порогов до сих пор называют

плотину)?

Прежде всего мне предстояло выяснить, где, в каких местах конкретно проходили пороги. Кодацкий, Сурский, Лоханский, Звонецкий, Ненасытецкий, Вовнигский, Будильский, Лишний, Вольный – вот девять главных порожистых преград. В самых различных источниках я находил упоминание о них. «А ниже реки Самары на Днепре порог Кодак. Ниже Кодака миля порог Звонець. Ниже Звонца порог Сурский. А ниже Сурского три версты порог Лоханной...», – в «Книге Большому Чертежу» подробно прослеживается весь порожистый участок Днепра. Звонецкий порог, правда, в этом известном описании несохранившейся карты России XVII века ошибочно помещен после Кодака, на самом же деле он следовал после Сурского порога. Академик Дмитрий Яворницкий своими шагами измерил оба днепровских берега, проплыл через пороги на плоту. Ученый детально описал все пороги и прилегающие к ним урочища, острова и вообще примечательные места в труде «Запорожье в остатках старины и преданиях народа» и потянувшим на целую книгу географо-историческом очерке «Днепровские пороги». Прокладывая маршрут, я прежде всего руководствовался его путевыми наблюдениями, полистал и другие путешественные заметки, нашел в архивах и старые лоции – туда тоже заглянул. И все же окончательно «привязать» пороги к селам, балкам и заливам и наложить их на современную карту удалось только после того, как сам побывал на обоих

берегах, расспросил седых, однако весьма памятливых дедов и словоохотливых бабусь. Отмечая места порогов, я постоянно натыкался на запорожский след. Как по правому, так и по левому берегу.

В селе Старые Кодак под Днепропетровском над старым, заполненным водой карьером на холмике, заросшем чертополохом, высится пирамидка, памятная надпись на которой гласила, что здесь гетман Богдан Хмельницкий с войском Запорожским взял приступом польскую крепость Кодак. Кстати, как сообщается в одном историческом очерке, село Кодак основали «казаки, которые правили за лоцманов». Чуть правее крепости, как раз между карьером и селом Любимовкой на левом берегу, и проходил первый Кодацкий порог. В свое время местность вокруг Любимовки была татарской вотчиной, откуда степняки делали набеги на запорожские займища. Отсюда и название слободки Татарбранки, островов Татарчук и Татарский, речки Татарки (она и сейчас пополняет днепровские воды). Позже, потеснив степняков, здесь сели хуторами и стали *бадаться* хозяйством зажиточные казаки-зимовчаки. Следующий за Кодацким Сурский порог пролег между устьем реки Суры и северной дачной окраиной левобережного села Первомайского. Третий, Лоханский порог (в нем была самая большая скорость воды – свыше пяти метров в секунду) – это уже село Волошское. На плане 1775 года здесь показана «казацкая волошская (волохи – румыны, молдаване. – *Примеч. ред.*) забора» и «казацкая пере-

волока» через Днепр. В селе до сих пор можно встретить дедов, которые полузабытый молдавский язык считают своим родным. Это потомки волохов, «полоненные из-под Очакова» запорожскими казаками в 1770 году. На южной оконечности Волошского находится карьер. На левом берегу тоже есть карьер, который называют Петровским. Где-то между этими карьерами и пролегал «один из страшных губительных порогов», в котором вода плескалась, как в лоханке. Волошские рыбаки до сих пор говорят: «Пошли на Лохань бычков дергать». Местные рыбаки помогли мне определить и место Звонецкого порога. Сегодня под водой он связывает Второй Выступ (*выступами* в Звонецком называют скалы, которые живописали местные берега от села до Звонецкой балки) и остров Малый Махортет. Село Звонецкое основано на месте старинного запорожского урочища, где возле переправы казаки даже имели свою церковь. Почти на километр растянулся самый грозный и знаменитый днепровский порог Ненасытец. Славянам он был известен как Неясыть, варяги, которые плыли по Днепру «в греки» называли его Айфаром. *Неясытью* наши славянские предки именовали пеликана. Утверждают, что птица эта обитала в районе порогов. Народ по-своему переиначил название, обозначив им прожорливость «ненасытность» порожистой гряды, на камнях которой разбивались плоты и гибли люди. Нередко, правда, чтобы ненароком даже прозвищем с отрицательным оттенком не обидеть «властелина реки», порог уважительно называли

Дедом. Выступающие из воды камни в правобережном Никольском-на-Днепре и левобережной Васильевке-на Днепре (села названы по именам сыновей правителя Екатеринославского наместничества Синельникова, которому после ликвидации Запорожской Сечи были пожалованы царицей эти «порожистые» земли) довольно точно определяют место порога. Обозначить его сегодня, наверное, мог бы и скромный памятник из гранитного обломка, которых в округе хватает. Идея эта понравилась директору Васильевской школы (обещала даже пригласить на открытие обелиска). Километрах в четырех от Васильевки находится село Ненасытец. Местные жители гордятся тем, что с подобным названием на земном шаре нет ни одного населенного пункта. Рассказывают о земляке, который, посылая письмо из Сибири, написал на конверте всего два слова – фамилию родни и название села. И письмо дошло точно по указанному адресу.

После Деда следовал Внук-порог. Так еще называли Вовнигский порог. Было у него еще одно весьма звучное и поэтическое название – Волнег. Говорят, что так звали казацкого лоцмана, который «посадил» здесь плот. А Вовнег – от волков, что стаями бродили по окрестным балкам и чуть ли не лапами в низкие окна окраинных хат царапались. В селе Вовниги именно так трактуют эти названия. С местной *рыбальни* (рыболовецкой пристани) хорошо виден буй на реке, установленный над порогом. Чуть ниже его на правом берегу живописным заливом выходит в Днепр заповедная Бал-

чанская балка. Будильский порог, шум которого будил зазевавшихся лоцманов, располагался между правобережными селами Вовнигами и Федоровкой в районе балки Башмачки, известной своим Каменно-Зубильским карьером. Села Приветное на правом берегу и Круглик на левом определяют место восьмого Лишнего порога. Круглик расположен на берегу извилистого залива, который километра на три вдаётся в балку Лишнюю. От последнего Вольного порога рукой подать до Запорожья. Против порога с правого берега подходит балка Гадючья (порог, кстати, местные жители тоже, случалось, называли Гадючьим), а с левого Левшинский залив, в который впадает речка Вольнянка. Корень в этом гидрониме, как и в названиях порога и райцентра Вольнянска, сегодня ассоциируется с вольными степными просторами и казацкой вольницей, разлившейся плавневым половодьем за последним порогом. Про него, кстати, напоминает название села Подпорожнянского, расположенного теперь уже почти в городской черте...

Шумели «на погоду»...

– Сейчас ветер, а ты выйди ночью – услышишь, как он шумит.

Девяностолетняя баба Настя Тетянчиха из села Васильевки живет на крайней улице возле самого Днепра. Одна и во дворе хозяйничает, и в хате управляется. Целый день хлопчет, а вечером выходит за ворота, садится на лавочку и слушает. Зрение совсем никудышнее. Даже очки не помогают разглядеть прохожего, а вот слух у старушки отменный. Она хорошо помнит, каким был берег возле Ненасытца: пологий, зеленый, где открытый, а где покрытый лозами, деревьями, камнями, одним словом – «ловкенский». Каналы помнит шириной с сельскую улицу, водяную мельницу. С окрестных хуторов приезжали на подводах селяне. Кто по делу, а кто просто размяться, посидеть у бушующей воды, а то и охладить себя под ее струями. Занятие хоть и рискованное, однако весьма зрелищное и похвальное. Однако еще крепче держит в памяти баба Тетянчиха голос Ненасытца – рокоочущий, громкий, гневный.

– Вода так кипела, так бунтовала, что аж стекла дрожали. День и ночь на реке гудело...

Многие старики, которых я расспрашивал про пороги, запомнили именно рев самого грозного днепровского порога. Его недаром еще прозвали Ревучим. И Тарас Шевченко

(он, кстати, бывал в Никольском возле порога) недаром завещал похоронить себя на днепровском берегу, откуда было бы слышно «як реве ревучий». С каневских круч его голос, конечно, неразличим, однако километрах в пяти от берега Дед-порог уже давал о себе знать. «Уже далеко не доходя Ненасытецкого порога слышен был страшный рев его. При одном взгляде на тот ад, который кипел в пороге, волосы на голове поднимались вверх», – замечал один путешественник, решившийся вместе с плотовщиками спуститься вниз по реке. С особым грохотом клокотала вода в так называемом Пекле. Поблизости от него – хоть уши затыкай, даже раскаты грома не могли сравниться с адским гулом воды. Впрочем, так она звучала для тех, кто впервые услышал трубный глас водяных струй. Жившие же на берегу возле порога люди привыкли к неумолчному рыку ненасытецких водопадов настолько, что спокойно переговаривались во время стирки на прибрежных камнях, пели без надрыва застольные песни и внимали соловьям в своих вишневых садиках. А объединившись в колхозную артель, назвали ее «Шумят пороги». Это звучало гордо, смело и даже революционно.

У каждого порога, каждой *заборы* (забора – преграда. – *Примеч. ред.*) был свой голос. По его силе, тональной окраске опытные лоцманы даже в кромешной темноте легко ориентировались между берегами. В Лоханском пороге вода звучно и «смачно» плескалась, как в лоханке. В заборе Товчинской после Звонецкого порога вода толклась с шипением.

Порог Будильский своим характерным скрежетом «будил» расслабившихся после преодоления Ненасытца и Вовнига плотогонов. Один из островков вблизи Вольного порога лоцманы называли Шкварчевым – проносясь мимо этого острова через так называемое Волчье горло, вода «шкварчала», как сало на сковороде. За последним порогом высилась скала с пещерой, которую лоцманы называли Школой. Возле той скалы был особенно опасный водоворот Казаны – поток в нем крутился и издавал булькающие звуки, будто вода в огромном казане (котле. – *Примеч. ред.*), кипящая «белым ключом».

Посредством звуков, которые издавала падающая вода, пороги могли даже... общаться между собой. «На погоду» часто перегукивается с Дедом-порогом: вот ревет, шумит, гудит, трясет землю Дед-порог; когда это сразу тыць – и будто бы он оборвался и словно аж тяжело застонал. Тогда начинает Внук-порог: ревет, шумит, гудит, когда вот и этот сразу тыць – и оборвался, та аж глухо застонал. И опять Дед-порог, а после него опять Внук-порог», – писал о «перекличке» Вовнигского порога с Ненасытцем Дмитрий Яворницкий.

Украинцы словом «погода» нередко определяли ливневый дождь, грозу, бурю, шторм на море или реке, зимнюю выюжную круговерть. От бабы Насти и других старожилов я слышал, что пороги своим шумом предупреждали селян, рыбаков, лоцманов о приближающемся ненастье. Как это происходило – неизвестно, однако «на погоду», как говорят в

приднепровских селах, тот же Ненасытец или его «внук» – Вовнег звучали громче, гуще, с надрывом и пугающими перерывами. Мне рассказывали, что и перед кровавыми событиями некоторые пороги по-особенному шумели. Уйдя под воду, пороги продолжают «вещать», подавая свой голос из пучины. Весть из прошлого – предупреждение о будущем?

Чьему роду нет переводу?

– Возле самого Днепра, ближе к Перуну, гробки были – там «порядком» ховали (хоронили. – *Примеч. ред.*), один коло другого, а чуть выше возле балки Тавлижанской курган стоял, меня тоже туда подрядили, – там костяки *впритул* лежали, все вместе. При каждом, правда, своя «дань» была – у того горшечок, у того зеркало, у того шаблюда, – так разбитной веселый тракторист Николай Павлятенко из села Орловского рассказывал про раскопки древних захоронений, в которых ему в молодости довелось принять участие. Бывший лихой тракторист выглядел весьма живописно: цветастые трусы, рубашка с оторванными рукавами, которые свисали с локтей, как рукава казацкого кунтуша, недельная щетина и страстное желание направить русло мирной беседы в порожистую круговерть. Глядя на него, я отчетливо представлял вольного запорожца Орла, рыбацкий кош которого стоял неподалеку в балке. От этого казака-сидня и пошли местные названия – и затопленного острова, и балки, и села Орлянского. За соседним селом Перуном – балка Пластунова. В ней обитал, как объяснил Николай, казак Пластун. «Это чтоб вам было понятно, какого мы тут все колена, – потряс пальцем, будто погрозил кому-то тракторист и добавил: – А запорожцы были дядьками, боже мой!» Разговор снова зашел о раскопках вблизи балки Таволжаной. Нико-

лай даже вызывался проводить нас к «гробкам». Засобирались было, однако тут подошел сосед, заговорили о другом – и он тут же забыл о своем намерении...

Люди издавна селились в районе порогов, где было много укромных мест, пещер, добычливых урочищ. В степи было пустынно и ветрено, в плавнях – сыро и страшно, к тому же донимал гнус, пороги же, хоть и пугали своим ревом и крутым нравом, предоставляли все удобства для комфортного существования целых племен. До сих пор на песчаных отмелях, среди прибрежных камней, в устьях балок находят и осколки кремня, и кремневые ножи, и скребки, и костяные иглы, и наконечники стрел, и каменные молотки, и черепки горшков, и старые монеты. Началось с палеолита, с древних охотников на мамонтов, потом чередой здесь прошли степные народы. С XVI века порожищенное пограничье стало вотчиной запорожских казаков.

Остатки их доблестного войска после ликвидации Сечи были расселены вдоль Днепра, в том числе и возле самого грозного порога. Оттого и село стало называться Войсковым. Село расположено чуть ниже Ненасытца, однако и тут в тихую погоду хорошо был слышен его рев. Кстати, он для сменивших саблю на плуг запорожцев был своеобразным гимном их былой вольницы, напоминал о громких ратных делах и подвигах. В местной школе мне назвали несколько сельских фамилий (Швец, Песоцкий, Черевченко, Прокopenko) и попросили уточнить, не значатся ли они в реест-

рах казацких куреней. Потом направили к восьмидесятипятилетней бабе Наталье Омельченко. Еще подвижная, ко всякому двору и хатному делу охочая старушка, оказалось, помнит и голос порога, и вид его.

– Камни все в воде какие-то выделанные были – гладкие, красивые. Я помню, как вода струей летела, а потом будто внизу ее что-то крутить начинало. Во все стороны брызги. Люди там на камнях дневали и ночевали. Нас, правда, малых туда не очень допускали. Я вот надписи разные помню на камнях.

– И что там было написано?

– Тогда нам не очень доходило. Имена всяких вояк.

– Краской рисовали?

– Нет, выбито – на все времена... А вы пойдите, посмотрите. Тут рядом...

– Так под водой все.

– А может, и нет. Хоча, правда ваша – затоплено. Тогда того Днепра считай с ширину нашей балки Мерзлячки было.

Мы решили остановиться в Войсковом. Дочь бабы Натальи местная поэтесса Александра Омельченко (в одном из ее стихотворных сборников я нашел «Балладу про Ненасытец») предложила переночевать у них. До вечера было еще далеко, и мы отправились в соседнее Никольское, напротив которого находился знаменитый порог. Обогнули заводь, где располагалась местная «рыбальня», по разбитой грунтовке спустились в балочку, поднялись на бугор, и вот мы уже в Николь-

ском. Старушки с окраинной Пятихатней улицы (когда-то тут было всего пять хат) направили прямо вниз к Камням. Так теперь тут называют валуны на берегу, с которых местные рыбоуды ловят бычков. «Надпись» обнаружилась не на этих прибрежных облизанных волнами, скользких камнях, а чуть выше. Сторож расположенного над Камнями детского оздоровительного лагеря показал нам прикрепленную к скале чугунную плиту, на которой было выбито: «В 972 году у днепровских порогов пал в неравном бою с печенегами русский витязь князь Святослав Игоревич». Плита раньше располагалась непосредственно над порогами, потом, когда поднялась вода, ее перенесли выше. Надпись разделена мечом, острие которого обвивает дубовая ветвь. Здесь в районе порогов в древности хватало и дубовых лесов по берегам, в которых прятались «войки», и кровавых пограничных сражений, и внезапных предательских нападений из скалистых лощин и оврагов. Так, кстати, возвращаясь на ладьях со своей ослабленной после неудачного балканского похода дружиной, погиб у порогов Святослав. По обоим берегам Днепра напротив Ненасытца это, пожалуй, единственный памятный знак, которым отмечено одновременно и место самого грозного порога, и слава чубатых предков (Святослав, кстати, тоже брил голову, оставляя характерный казацкий чуб). Надеюсь, что к нему не зарастет покрытая ныне асфальтом тропа...

Километрах в двух от Войскового над переправой, где во

время последней войны наши войска форсировали реку, в граните выбиты слова: «Мы не бронза, мы не камень, мы живые над Днепром и над веками». Свободными и отважными были те, кто селился здесь в Запорогах, на утлых суденышках и плотах пробивался через порожистую грядку, под градом стрел и орудийным огнем переправлялся через реку. Пусть так и будет всегда. Над порогами и веками...

Город-крепостница над Днепром

Старое кладбище представляло собой большую и светлую поляну почти в центре села. Из травы, пестреющей цветами, торчали камни с выбитыми на них крестами. Кое-где валялись надгробные пирамидки с полустертыми старыми надписями. Козы бродили по кладбищу, обходя кустики чертополоха. Возле самой дороги стоял обработанный мастерами уже нового времени высокий обломок гранитного валуна. Я подошел к нему и прочитал: «В честь Кодацкой крепости запорожской твердыни в час освободительных состязаний 1648–1854. Возрождение украинского государства. Общество “Кодак”. Именно остатки старой крепости я и искал в селе Старые Кодак. Через балку от него – уже окраинные улочки Днепропетровска. А здесь еще сельская тишь, древние кладбищенские кресты, козы, мальчишки с удочками, пробирающиеся по одним им известным тропкам к реке. До нее, впрочем, не так близко. В угро-финнском языке слово *кодак* означает *водопад*. Это имеет прямое отношение к первому Кодацкому порогу, где вода «падала» с камней. Есть еще одно толкование. В тюркских языках *кой* – это поселение, а *даг* – гора. Порога уже нет, а гора, холм (правда, уже изрядно изрытый), на котором стоит село, а раньше высилась крепость, еще существует. Стал расспрашивать дорогу к крепости. В первом дворе, куда я обратился, нам охот-

но объяснили: «Возьмете чуть правее кладбища и по улочке прямо на карьер и скатитесь. Там сразу ее и увидите».

Сразу за последними хатами открылся Днепр, зеленые берега, уходящие за горизонт, уже тронутые желтизной поля. Густо заросшие травой валы и рвы крепости казались частью местного исконного пейзажа. На плоской вершинке небольшого холмика стоял обелиск. Надпись на нем гласила, что на этом месте в 1848 году гетман Богдан Хмельницкий с Войском Запорожским взяли приступом польскую крепость Кодак.

Ее проект из шести бастионов, с единственными воротами и подъемным мостом, оборонным рвом, в дно которого были вбиты заостренные бревна, был разработан инженером Гийомом Бопланом. Тем самым пытливым французом, который в своих путевых заметках писал и о порогах, и о нравах казаков. Кстати, и первым комендантом крепости был назначен французский офицер Жан Марион. Поляки весьма удачно выбрали место для крепости. Дело в том, что те, кто преодолевал уже первую порожистую преграду, вынуждены были выходить на берег и перетягивать облегченные суда через камни, пользуясь веревками, или даже переносить челны на плечах. С крепостных же валов хорошо виден был Кодацкий порог и просматривались окрестности: можно было и за рекой наблюдать, и контролировать подходы к ней. Низовым казакам, чувствующим себя привольно и по берегам в устье Самары, и в урочищах ниже порогов, крепост-

ной кордон мешал и пополнению войска беглецами с северных земель, и быстрому продвижению казачьего флота по реке, и переправе через нее, и развитию рыбных промыслов. Вот как об этом сказано в народной думе: «Не схотили паны-ляхи пропустить й трохи, чтоб ездили в Сечь бурлаки та й через пороги. Спорудили над Кодаком город-крепостницу, ще й прислали в Кодак войско, чужу-чужаницу». В песне речь идет о гетмане Иване Сулиме. Именно его отряд вскоре овладел днепровской твердыней, сварив «вражим ляхам пива». События развивались стремительно. Строительство крепости было начато весной и закончено в июле 1635 года, а уже в августе крепость была взята казацкими войсками. Через несколько месяцев соратники и саблей начертанная судьба изменили Сулиме (в то время это было обычным делом) – поляки вновь стали хозяевами бастионов, расширив и укрепив крепостные сооружения. Цитадель у порогов попала на многие европейские карты, став опорным пунктом колонизации южных степей. Как и сами днепровские пороги, рукотворная твердыня имела довольно грозный вид. Однако это не смутило сотника Хмельницкого, который, наблюдая за строительством, хмыкнул: «Рукой сотворено, рукой будет и разрушено». Через десять лет простой сотник стал казацким вождем – знаменитым батьком Хмелем. Ему и его сподвижникам удалось штурмом овладеть Кодаком. С этого времени он стал «защитой всему Запорожью» – своеобразной казацкой столицей возле порогов. Крепостью стал управлять

Кош Войска Запорожского. Кроме пограничной стражи тут находилась также лоцманская служба. Вокруг крепости постепенно разрослось торгово-ремесленное предместье.

Кодак – название громкое и звучное. Вскоре после города-крепостницы Кодака выше по Днепру возник еще один военно-административный центр, который стали именовать Новым Кодаком. В нем во время Новой Сечи и разместилось «правительство» Кодацкой паланки во главе с полковником и старшинами. Российский мемуарист князь С. Мышецкий, посетив днепровские пороги в середине XVIII столетия, отмечал, что против устья Самары «имеется старинный город казацкий, именуемый Койдак». На гербе нынешней Днепропетровской области – запорожец с мушкетом и девять звезд, символизирующих казацкие паланки. И сегодня никто не сомневается, что своему настоящему рождению Днепропетровск обязан не Екатерине II, которая в 1784 году приказала перенести сюда губернский центр под названием Екатеринослав, а Старому и Новому Кодаку.

Современный город возник между двумя казацкими Кодаками. И пусть сегодня они на его окраинах (Кайдаками и поныне жители называют северный городской район), пусть давно днепровская вода скрыла, а может быть, уже и стерла на дне след Кодацкого порога. Но жива по берегам его природная гранитная сила, и крепка, как древние камни порогов, память народа.

«Из-за острова на стрежень...»

В молодости, переплывая Днепр на лодке, я часто задерживался возле каменистых островков, окружавших Хортицу. Удил с них бычков, нырял в днепровскую стремнину, просто лежал на плоских камнях. Скалы были приятно-шершавыми и теплыми, в углублениях лежали зеленоватые в серую крапинку яйца речных крачек. Птицы проносились над головой и кричали, будто соревнуясь: кто громче и жалобнее. Взмывали и разлетались в разные стороны цапли. Пустынный островок жил своей жизнью, которую я, кажется, нарушил своим присутствием. За островами в порожиистой части Днепра я наблюдал уже с берега. Раньше вся река была ими усеяна. Собственно, и сами порожиистые гряды представляли собой скопление каменистых островков, выступающих из воды камней, одиноких скал. Недаром, кстати, Лоханский порог славяне «по-славянски» называли Островунипрах – Остров-порог (это название сохранилось в византийском источнике. – *Примеч. ред.*).

Ни выступающих из воды приметных скал, ни прежних островных земель уже нет в порожиистом русле Днепра. Из сотен островов остались лишь единицы. Скалистый островок Змеиный на южной окраине села Волошского чуть ниже старого карьера, остров Малый Махортет в районе Звонецкого порога, рядом с ним – остров Большой Махортет, кото-

рый разделяет Днепр как бы на два русла, дальше напротив правобережной Алексеевки остров Козлов, потом, после того как Днепр делает большую петлю, напротив села Орловского – остров Таволжанский (местные называют его Тавлижанским), и уже перед самой плотиной – остров Ленина – по пальцам можно пересчитать клочки суши, что омываются со всех сторон днепровским потоком. В прибрежных водах, правда, по отмелям разбросаны довольно характерные валуны. Некоторые из них даже имеют названия. В Васильевке, например, есть два каменных зубца, которые местные называют Близнецами. Чуть ниже Вовнига над поверхностью – ближе к левому берегу – при малой воде, случается, показывается скала Бугай.

Острова между порогами и в самих порогах были частью жизни большой реки и ее берегов, с которыми часто были кровно связаны. Острова ушли под воду, однако берега продолжают хранить память о них. В Войсковом мне рассказывали об острове Песковатом, у берегов которого в старину находили кусочки янтаря. Через остров Таволжанский издавна проходила оживленная переправа, названная на картах VIII века великой. Таволжанская паромная переправа (ею также пользовались и запорожские казаки, и чумаки) просуществовала до 1827 года. Когда же правый берег стал подмываться паводковыми водами, она переместилась в Кичкас. Из села Орловского хорошо просматривается весь остров с редкими деревьями по берегам. Ниже его

– маленький зеленый островок, над которым постоянно кружат чайки. Раньше это была одна большая островная земля. После затопления остров Таволжанский уменьшился раза в три. В Орловском и соседнем с ним Перуне даже мальчишки могут показать место, где всего лишь метрах в двух от поверхности находится верхушка знаменитого острова Перуна. Название острова связывают с языческим идолом, посвященным главному славянскому божеству, который стоял в Киеве. После введения христианства его низвергли и бросили в Днепр. «Божественная» колода преодолела почти все пороги и прибилась к одному из островков. «Тут ее нашли и разоблачили», – авторитетно заявил мне один орлянский пенсионер. Перун внешне был удивительно похож на гигантское змееподобное чудище, плывущее вверх против течения. Старожилы помнят и пещеру на острове, которую в народе называли Змеиной. Туда можно было попасть только в конце лета при низкой воде. Рассказывали, что в пещере жил огромный трехголовый змей – пожиратель людей. На Перуне запорожские казаки добывали слюду («лисняк»), которая заменяла им стекло. Нынешний островок Змеиный возле села Волошского – это своеобразный образ «змеиногo» Перуна и подобных ему скалистых островов в порожи́стом русле Днепра.

Островные земли называли и по растительности, которая там преобладала или вообще отсутствовала (острова Дубовый, Лозоватый – «чудесный, свежий, яркозеленый цве-

ток, кинутый чей-то рукой на поверхность реки», Вербовый, Осокоровый, Таволжанный – от красноватого цвета тонкой лозы-таволги, Виноградный – на нем чуть ли не каждый куст был обвит диким виноградом), и по зверью, что нашло там пристанище (острова Гадючий, Голубиный, Гавиный, Бобровый, Змеиный, Козлов, Крячок, Муравный).

Жизнь большой реки, как в самом порожищем русле, так и по берегам, отразилась в названиях порогов, забор, больших и малых островных земель. На острове Жидовском перед Ненасытцем хоронили евреев, которые погибли возле грозного порога. Соседний Майстров остров обязан своим названием мастерам, которые делали лодки из разбившихся о камни плотов. Как и в плавнях, острова между порогами служили запорожским казакам и надежным убежищем от пограничных напастей, и местом тайных встреч, и «тихой гаванью» в старости. Тут они и коней выпасали, и «кохались в пчелах», и рыбальни устраивали, и собирались для утех и гульбищ. Острова Носуля, Яцев, Орлов, Аврамов, Клобуковский, Лантуховский, Пурисов связаны были в народной памяти с именами и прозвищами запорожских рыбаков и казаков-сидней Носулей, Яцьком, Орлом, Клобуком, Лантухом, Пурисом. На Кухарском острове против балки Лишней «доживали век» казаки Качкар, Паламар, Майборода, Венгер, охотно принимавшие всех, кому по душе была вольная несуетливая жизнь на этом защищенном со всех сторон водой клочке суши. Островные деды любили и умели кухова-

ритель, угощая новых поселенцев и гостей ароматными юшками и сытными кулешами. Кстати, и после запорожцев жители окрестных хуторов продолжали устраивать на острове общие трапезы на природе. В селе Запорожском, расположенном в верховьях балки Лишней, мне рассказывали, что селяне особенно любили собираться там на Троицу. Некоторые, стремясь отведать праздничных яств, даже вплавь переправлялись на зеленый гостеприимный остров. С речным куховарством связан и другой днепровский островок – Кашеварница. Он был расположен на пушечный выстрел от порога Вольного. Миновав последнюю порожистую грядку, лоцманы причаливали к этому скалистому плоскому островку и варили на нем кашу, отведав которой, уже можно было и чарку опрокинуть в ознаменование успешного прохождения всех порогов...

«Там за балкой у реки...»

...Очередную балку, выходящую к реке, мы решили не огибать по грунтовке (крюк получался километров пять), а пересечь по едва заметной тропке, которая вилась по склону. Его укрывали густые травы, среди которых пестрели цветы. Это был их праздник, их июньская победная песня. Я легко распознал зверобой, ромашку, коровяк, тысячелистник, цикорий, шалфей, чертополох, чабрец. Было еще множество других видов. Природа соткала из них дивный ковер – в его цветастых узорах можно было найти все земные краски и их оттенки. Из трав выпрыгивали кузнечики, над цветками порхали бабочки, вились пчелы, трещали стрекозы, гудели шмели. Ветер шумел где-то вверху, а здесь стойко держался непривычный густой медовый запах, от которого першило в горле и немного кружилась голова. Таких балок – из всех, которые нам встретились в районе порогов, – мне больше нигде видеть не приходилось. Некоторые из них тянулись на многие километры, были глухи и пустынно.

Днепровские балки – это в некотором роде оконца, в которые можно заглянуть и увидеть первозданный облик степи, ощутить ее изначальную природную силу и красоту. Отдыхая возле кринички на дне балки, вдыхая аромат трав и цветов, вслушиваясь в щебетание птиц в овражных лесках (иногда это настоящие труднопроходимые чащи), легко предста-

вить, как здесь все было в старину. На помощь пытливому воображению приходят местные топонимы. Многие балки, устья которых выходят к Днепру (сегодня во многих местах это глубокие извилистые заливы), обязаны своими названиями запорожским казакам, которые, как раньше говорили, *бадались* тут хозяйством. В заповедной Балчанской балке возле села Петро-Свистуново (тут на обжитом рыбаками берегу Днепра была одна из последних наших ночевок) стоял хутор казака Балчана. На всю округу этот *показной* колоритный запорожец был знаменит своими широкими шароварами, длинными усами, которые он трижды закручивал за уши, и трубкой, что постоянно торчала изо рта. В балках, по долинам степных речек вокруг Петра-Свистуново, обитали казаки-зимовчаки с характерными казацкими прозвищами Бри-тый, Гайдук, Гречка, Гук, Заруба, Круглый, Натруса, Кукса, Нудьга, Чепинога. Сохранилось в народной памяти и прозвище «осадчего» (первого поселенца) села. Им был богатый казак Кузьма Басараб, который после раздела запорожских вольностей подался на Кубань. Чуть ниже по Днепру с правой стороны в балке Будильской (она расположена километрах в трех от одноименного порога) стоял хутор запорожского казака Дона. Он был «великим силачом» и хитрецом, мог, скажем, кинуть на воду кусок войлока и вместе с гостями, распевая песни, поплыть на нем вниз по течению. На противоположной стороне Днепра возле Лишнего порога в балке Еретичной когда-то обосновался другой казацкий харак-

терник-запорожец Еретик. Рассказывают, что его слушалась вся нечисть (в том числе и черти, что сидели в порогах), и он легко мог превращать людей в песиголовцев, вовкулаков, упырей. В балке Квитяной возле Федоровки жил казак Квит, в правобережных балках Трутовой и Канцюровой (с такими же названиями все эти балки и сегодня существуют) обитали казаки-сидни Трут и Канцюра. Через порезанную ярами и заросшую густым дубняком обширную глухую балку Звонецкую, расположенную километрах в трех от села Звонецкого (примерно напротив порога), мы так и не смогли пробиться. Пришлось возвращаться в село и добираться до Майорки и соседнего с ней Волошского сначала по шоссе, а потом по полевым дорогам. Урочище Звонецкое стали осваивать еще добытчики – *уходники* с верховьев Днепра с начала XVI века. Позже тут прочно обосновались запорожские казаки, контролировавшие всю балку и местность, прилегающую к ней.

Куда метят молнии?

Несмотря на дождь, от которого приходилось прятаться под навесами автобусных остановок, в первый день мы добрались почти до Федоровки. В старину тут находили множество древних захоронений. В одной колодезной яме, например, обнаружили останки воина, а в них – «восемнадцать медных стрелок между костями». В другом месте селяне, копая погреб, наткнулись на целый скелет, в головах которого стояла «тыква» с *оковитой* (оковита – водка или горилка. – *Примеч. ред.*), а с правой стороны лежали трубка, табак, кресало, кремь. Федоровцы решили, что это был запорожец, зимовник которого стоял поблизости. Возле разрытой могилы селяне с удовольствием выпили добрую казацкую горилку за упокой знатного предка.

Поднялись на бугор, откуда просматривался лесистый мыс и огибающий его Днепр. Уже вечерело, однако солнце еще качалось над горизонтом и было достаточно светло. Выбрав полянку для ночлега, я зашел за посадку и вдруг увидел на краю хлебного поля какие-то странные круги. Приблизившись к ним, разглядел полегшие по ровной окружности колосья. Они представляли собой темную полосу, которая опоясывала совершенно круглый пшеничный островок. Разных размеров похожие островки, окаймленные темными кругами, виднелись поблизости. Стало быстро темнеть. От-

куда-то подул ветер. Резко похолодало. И тут я вспомнил рассказы о так называемых ведьминых кругах, которые, случалось, появлялись на хлебных нивах. Как и «закрутки» на колосьях, и «пережины» – выстриженные узкие дорожки, – их, по народным поверьям, производили нечестивые чаровницы, чтобы навредить селянам, чем-то обидевшим их, и даже отобрать часть урожая в свою пользу. Я читал в старых книжках о проделках ведьм, много слышал про них в приднепровских селах, а вот увидеть результат их козней довелось впервые. Не случайно, что произошло это именно в районе порогов.

Торчащие из воды камни, через которые с грохотом и пенными плевками перекатывалась вода, низвергались водопады, пугали людей; в то же время это было завораживающее зрелище, наполняющее душу суеверным трепетом и будоражащее воображение. Невольно в районе порогов люди обращали внимание и на другие необычные явления, а потом отмечали их в преданиях. На следующий день мы спустились к Днепру. Решили пробиваться к Федоровке вдоль берега. Накрапывал дождь. По реке гуляли волны. Они достигали огромного вербового пня с расщепленными, будто развороченными взрывом, черными краями. Может быть, в дерево когда-то угодила грозная стрела? На обгорелом обломке висел чей-то ботинок. Вряд ли его владелец имел отношение к гневу громовержца, однако именно о нем я подумал в тот момент, вспомнив, что напротив у левого берега находится

затопленный скалистый островок Перун. Неподалеку же от пня к Днепру выходила балка Трутова (федоровские старушки называют ее Трутенькой), в балке была криница, которая, по преданию, притягивала грозу и молнии. Где-то я слышал, что речные километровые промежутки между днепровскими порогами соизмеримы с космическими расстояниями между большими и малыми планетными телами солнечной системы. Отсюда понятен интерес небожителей к этому пятачку планеты. Они посылали сюда не только град и молнии. Возле села Августиновки (от него рукой подать до Федоровки – проезжая через село под вечер, мы наблюдали необычное смятение преддождевых облаков над окрестными балками) в позапрошлом веке упал, погрузившись в глинозем, огромный метеорит. По отзывам очевидцев, этот необычный «железняк» весил почти тридцать пудов. Между прочим, когда в старой Августиновке-Смольше была затоплена церковь вместе с колокольней (рассказывали, что произошло это чуть ли не в одну ночь, многие даже скотину не успели спасти), жители окрестных сел еще долго слышали звон колоколов, который раздавался из глубины.

Ведьмины круги, грозы, метеориты, колокола – это далеко не все чудеса в районе старого неугомонного Будилы. Не много ли для одного, между прочим, не самого ревучего и страшного порога? Подъезжая к Федоровке, я ничуть не удивился, увидев посредине одного дачного участка возле Днепра огромный деревянный крест. Дачники не поленились и

обложили его снизу огромными валунами. Камни и крест –
память и оберег...

Обходной путь

...Я вытряхнул из сетки улов на песок и стал искать камень, на котором можно было бы заняться обработкой добычи. И вдруг увидел торчащий из воды валун. Он отличался от остальных правильной формой, приметностью ровных углов. Над камнем явно потрудился человек. Для чего же предназначался этот гранитный «кирпич»? Как оказался в воде? И тут я вспомнил рассказы местных жителей о каналах, которые были устроены в обход порогов. В Вовнигах один старик даже рассказывал мне, что видел в камнях, из которых были сложены стенки каналов, «забитые» свинцом отверстия. По его мнению, свинцовая трубка скрепляла грубо отесанные «накидные» камни между собой, крепко держала гранитные стены, между которыми проносились плоты.

Вода в руслах *божских дорог* (так называли реки в старину) двигалась в одном направлении, а человек спешил в другом, ломая голову над созданием удобных для его стремительного передвижения путей – воля волн и ветра уже не была для него указом. О том, как успокоить Днепр, спрямить, сгладить судовые хода в порожистом русле, стали задумываться давно. В 1724 году Петр I издал указ, который предписывал «пороги осмотреть не мочно ль разобрать». В конце XVIII века Екатерина II, побывав у порогов, испытала на себе нрав стремительных днепровских потоков, по-

ручила французскому инженеру Франсуа де Волану и российскому комиссару М. Фалееву составить проект улучшения судоходства на Днепре. В порожистой части реки стали взрывать скалы, углублять русла, прокладывать каналы, возводить дамбы. В середине XIX века возле Вольного порога уже стояла пирамидка, на которой была укреплена чугунная доска со словами: «Судообходные каналы в днепровских порогах сооружены по повелению государя императора Николая I распоряжением главнокомандующего путями сообщения и публичными зданиями генерал-адъютанта Клейнмихеля. Работы начаты в 1643 году, окончены в 1854 году». Но со временем гидротехнические сооружения разрушились, ремонтом их никто не занимался, и «ненасытные» днепровские пороги стали для плотогонов притчею во языцех. Российский юмористический журнал «Будильник», подсмеиваясь над тщетными попытками разрешить проблему судоходства по Днепру, поместил на своих страницах стихи: «Пороги будут, как и прежде, ты ждал десятки, сотни лет, пятьсот еще потерпишь, дед».

Дед-Ненасытец и другие пороги продолжают «терпеть». Теперь уже, правда, на дне реки. Человек все-таки затопил... вместе с каналами, водяными мельницами, прибрежными селениями...

По Дону гуляли...

Тонко вился седой ковыль. Искрились на солнце травы. В вышине парили большие птицы. Степь манила своим безбрежеством и открытыми горизонтами, пьянила вольными просторами и дикой первозданностью. «Везде голые, необозримые пустыни: нет ни селений, ни людей; одни дикие звери – козы, лоси, медведи, волки, выдры, бобры смотрят с берега на странников как на редкое явление в сей стране» – все (во всяком случае многое!) было так как в этом старинном описании Подонья. Все (очень многое!) было так, как когда-то в наших – ныне вдоль и поперек исполосованных дорогами и перепаханных степях за днепровскими порогами. Я отправился в это путешествие от истоков до устья Дона, чтобы вволю надышаться его благодатным воздухом, не торопясь проехать по донским хуторам и станицам, попытаться проникнуть в их казацкое прошлое. Где его корни? Как зарождалась здесь, на Дону, казацкая вольница? В чем и где проявился в ней запорожский след?

...Ранним июньским утром (увы, пасмурным) мы неспешно подкатили к валуну в центре Новомосковска с простой и краткой надписью «Исток Дона» и прислонили к нему свои навьюченные дорожным скарбом велосипеды. Рыжеватая вода струилась по узкой канавке, выложенной камешками. Голуби прыгали по зеленому берегу, тычась клювика-

ми в прозрачную струю. Ритуальным глотком донской водицы (все-таки решились!) отметили начало пути и подвели наших железных коней к их бронзовым собратам, которые застыли на постаменте метрах в пятидесяти от ручья. Семь лет назад у истока Дона появился памятник, освященный донскими казаками. На конях гарцуют два обнаженных мальчика. Один держит в руке над головой бронзовый диск – символ Солнца, дарящего радость бытия воде и людям. Исток реки – ее начало, детство человека – начало жизни.

На планете, пожалуй, немного городов, на центральных площадях которых начинались бы большие реки. Тульскому Новомосковску (на Украине возле нынешнего Днепропетровска есть провинциальный городок с таким же названием, в котором сохранился старинный казацкий храм) повезло. В самом его центре берет начало одна из крупнейших европейских рек. «Дон-дон-дон!» – с древних времен доносится призывный колокольный плеск донской волны. Приметная река приглянулась еще скифам. От их ираноязычного «дон» (вода, река. – *Примеч. ред.*) и ее наименование. У греков она была известна как Тан, Танаис. Донской корень находим и в названиях Днепра, Дуная, Днестра. А с образованием осетинского языка он дал о себе знать и в реках Северного Кавказа, где текут Садон, Ардон, Аргудон, Гизельдон. Дон когда-то считался главной рекой на Руси, был кровно связан с ее историей. «Дон – через туман – орлит к Азову выстраданной песней», – писал поэт. В этой песне – степная

вольница, казацкая удаль и слава.

...Все шире распахивалась степь, все вольнее по ее просторам гуляли горячие ветры и острее пахли травы. И все чаще вспоминался родной полуденный край за днепровскими порогами. Его приметы не только в природе. На юге Воронежской области в селе Новая Калитва одна бабулька, у которой мы попросили молока, вдруг ответила нам на несколько исковерканном, однако вполне «вразумительном» украинском суржике:

– Нема у нас, хлопцы, вы в соседней хате спытайте краще. Мы разговорились и бабулька объяснила:

– У нас в селе через одного *хохлачат* (говорят «по-хохлацки». – *Примеч. ред.*). Поедете до Богучар, так там рядом все села украинские.

– А как вы на Дон попали? – поинтересовался я.

– За наших прадедов ще то було. Кажуть за якогось царя Калиты. Оттого и село так прозвали. Люди, правда, балакають и про проход – калитку, через яку с Украины сюда на Дон народ бежал...

Во время путешествия по донскому краю связь между народами, что обитали по берегам двух великих рек, воспринималась зримо, виделась все отчетливее, расцветчиваясь колоритными деталями. В первой половине XVIII столетия киевский воевода князь Д.М. Голицын в докладе правительству писал: «Украинцы с донскими казаками обвязались свойствами и переходят с Дона на Украину и с Украины на Дон,

и по Донцу, и по Айдару все донские городки и села беглыми населены украинских городов». Украинские переселенцы и в дальнейшем непрерывно пополняли население Дона. К 1796 году на Донской земле проживало более пятидесяти тысяч украинцев мужского пола. В то время как все население Войска Донского обоего пола составляло около трехсот тысяч человек. Присутствие украинцев не могло не сказаться на языке донцов, в котором нередки такие слова, как *либа, нема, був*. «Язык на Дону смешанный и заключает в себе два наречия: великороссийское и малороссийское, много испорченное и измененное», – писал один известный исследователь быта донцов. «А про запорожских казаков вы что-нибудь слышали?» – после краткого знакомства и расспросов про жизнь в сельской глубинке это был мой главный вопрос в донских станицах и хуторах. Вспоминали разное. На гербе липецкого Данкова – конь, меч и щит. Когда-то здесь, как объяснил мне рыбак, с которым я разговорился на донском берегу, казаки выпасали лошадей, а название городка – от казака Данко, может быть, даже прищельца с Днепра. Кстати, вернувшись домой и просматривая свои дорожные записи, я с удивлением обнаружил, что основание Данкова (1563) почти в точности совпадает с датой организации первого укрепленного казацкого городка на Днепре – Томаковской Сечи. В Усть-Хоперской станице один старый потомственный казак (деда его расстреляли красные) поведал мне о Гетманском шляхе, который вел на Дон с бере-

гов Днепра. Заместитель директора Раздорского этнографического музея-заповедника Сергей Борисов вспомнил про своего дальнего родича, который был родом из Запорожской Сечи. «Мой прадед был Ковалевым, – сказал Сергей, – а его предок – Ковалем. Наверное, у запорожцев в оружейниках ходил. Тут у нас вообще путаница с фамилиями вышла. После Гражданской войны многие, боясь репрессий против казачества, стали переделывать свои фамилии на украинский манер. Так, например, Бойков стал Бойко, а Нестеров записался Нестеренком...» Поведал Сергей и о раздорском казаке Кузьме Запорожцеве, который позировал Сурикову, когда он работал над картиной о Ермаке. Разговорчивая бабулька из Новой Калитвы на вопрос о запорожцах, ничуть не смущаясь, авторитетно выдала: «Так их же Катерина сюда и переселила. Те, у кого были чубы-оселедцы, остались казаками, а у кого хохлы на голове, поделались хохлами».

И такое, оказывается, в народе бытует представление о казачьей старине. А как было на самом деле? В 1540 году ногайский мирза Кельмагмет жаловался Ивану Грозному, что понастроили казаки несколько городов на его земле. На это Грозный ответил ему: «Казанцы, азовцы, крымцы и иные – казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди – как вам тати, так и нам тати и разбойники». Это одно из первых официальных упоминаний о казаках. Возможно, в этом и других документах под казаками окраинных земель (украин) подразумевались как донские казаки, так и

запорожские. Через шесть лет путивльский воевода князь М. Троекуров писал московскому царю: «Ныне, государь, казаков на Поле много и черкасцов, и киян (т. е. киевлян. — *Примеч. ред.*), и твоих государевых, вышли, государь, на Поле и всех Украин». Здесь уже границы «всех украин» приобретают более четкие очертания, и конкретно указываются действующие на этой территории *казаки-черкасцы*. Так многие историки называли днепровских казаков (в том числе и запорожцев). Ихним пикам раздолье было в Поле Диком. И в низовьях Дона, и за днепровскими порогами, где на земле казаков не было ни цепей, ни оков, для любого вольного удалыца — что ни казачки, то землячки. Вполне возможно, что уже в то время отдельные отряды днепровских и донских казаков действовали совместно на «украинных» землях и даже проникали сюда в верховье Дона, к южным рубежам Московского государства, доставляя немало беспокойства верховным правителям и их наместникам. Позже, когда запорожцы и донцы обрели свое обличье и войсковой статус, в различных документах мы встречаем прямые указания на совместные действия донцов и запорожцев на суше и на море. В 1617 году на Дон из Запорожья прибыло 2 тысячи казаков во главе с Сидором Ермаковым. Через пять лет другой запорожский ватаг Андрей Шумейко в челобитной на имя московского царя Михаила Федоровича писал: «Служу я ... тебе, великому государю, на Дону у черкас атаманом и задерживаю я, холоп твой, при тебе молодцов-черкас». Казаки с берегов

Днепра, прослышав о рискованных *поисках* и удачных «походах за зипунами» Степана Разина, разными путями стали пробираться к нему. Обеспокоенный царицынский воевода сообщал в Москву, что к Разину «черкасцы идут беспрестанно, а он, Стенка, их ссужает и уговаривает всячески». В рядах прославленного донского ватага мы встречаем запорожского атамана Боба, выходца с Украины Леско Черкашенина (Хромого). Отряды запорожских казаков вместе с донцами брали Азов (особенно при этом отличились сечевики-саперы). Струги донцов и запорожские «чайки» часто совместно, под единым командованием отправлялись в дальние морские походы, штурмовали турецкие эскадры, участвовали в десантных операциях на Анатолийском побережье.

Дон принимал всех вольных людей; с Подонья на Днепр — за пороги вело тоже немало проторенных издревле казачьих дорог. Донцы, еще не став полностью служивыми казачками, еще до получения от Петра I насмешливой печати, на которой был изображен голый казак с ружьем на винной бочке (раньше у донских казаков была печать с изображением на ней оленя, пронзенного стрелой) были частыми гостями запорожских братьев. В конце 1707 года у сечевики побывал Кондрат Булавин, вербуя сторонников для участия в повстанческом движении (пожалуй, последней крупной попытки донцов защитить свою вольницу). Вот как описывал Голицын в своем письме к Петру I подробности этой поездки к берегам Днепра: «Донской козак бунтовщик Булавин жил

немалое время в запорожском городе Кодаке, и приехало к нему с Дону 40 человек... и поехал с ними в Сечю и просил запорожских казаков, дабы они с ним поступили к бунту в розорение ваших государевых Великороссийских городов; и кошевой... позволил ему охотников набирать...» Один из сподвижников донского бунтовщика Игнат Некрасов скрылся на Кубани, которая в то время находилась под властью Турции. В 1710 году он объявился в запорожских землях в верховьях Берды, откуда стал рассылать своих людей в украинские города и села «для возмущения и прельщения в народе».

Донской след мне удалось отыскать в низовьях Днепра неподалеку от бывшей Алешковской Сечи. Тут находится село Казачьи Лагерь, возникновение которого связано с казаками, которые были переселены сюда с Дона после ликвидации Запорожской Сечи. Между прочим, название Алешковской Сечи некоторые краеведы связывают с кошевым Алексеем Шкурой-Донцом. Прозвищем Донец он был награжден по месту своего прежнего пребывания, откуда он в XVII веке попал к запорожцам. Запорожские старшины, описывая по заданию Петра I земли по левую сторону Днепра в его устьевой части, отмечают Алексееву раскопанку, прогон Алексеев, бугор Алексеев.

Путь наш после Дона к родным днепровским берегам пролег через Приазовье. Сначала вдоль Азовского моря от Ростова до Бердянска, потом вверх по Берде и вниз по Конке.

И здесь я постоянно натыкался на следы пребывания донских казаков. Соседствуя с запорожцами, они нередко встречались с ними здесь в приазовских степях, где охотились на лисиц (как известно, среди запорожцев было немало знаменитых охотников – *лисичников*), где, как указывается в одном документе, их «войсковые табуны на Бердах хаживали». В 1696 году после выхода России на побережье Азова московский Разрядный Приказ своей грамотой от 1702 года повелел донским старшинам постоянно выделять казаков как в качестве охраны, так и в качестве рабочих по ломке и вывозке соли из Бердянских соляных озер в устье реки Берды, куда часто наведывались и запорожские казаки. Встречались они с донцами и во время рыбной ловли на Азове. Не всегда, правда, эти встречи были мирными, нередко происходили и споры, и даже военные стычки случались из-за наиболее добычливых уходов, однако пограничье в конце концов всех мирило – вместе юшку хлебали на азовских берегах, вместе по косам и лиманам бури переживали.

Намечая маршрут экспедиции, я проложил его через бывшие столицы донского казачества. Сегодня и одна из старейших на Дону – тихая уютная станица Раздорская, и утопающая в зелени, романтическая Старочеркасская, и стремительно приобретающий современный облик и лоск Новочеркасск – казацкие музеи-заповедники под открытым небом. В Раздорскую мы скатились с горы под вечер. До темноты успели побродить по станице, осмотреть местный музейчик,

во дворе которого на зеленой лужайке под яркими донскими зорями и расположились привычно на ночлег, отказавшись от гостиничной крыши. В конце XVI века на Дону сложилась воинская казачья община, автономное положение которой и древний обычай «С Дону выдачи нет!» Московское государство, еще не претендующее на статус империи, однако уже пытающееся прибрать к рукам окраинные пограничные земли, вынуждено было признать официально. Центром донского казачества стал укрепленный городок Раздоры (*городками* в то время называли укрепленные поселения). Археологические находки в районе станицы Раздорской, большинство из которых выставлены в местном музее, свидетельствуют о том, что люди облюбовали это место на Дону еще в древности. Здесь река перед большим островом Поречным как бы *раздирается* на два русла. Отсюда, по всей видимости, и название станицы. Кстати, в казацком степном краю за днепровскими порогами на речке Конке есть большое село Конские Раздоры. Его название тоже связывают с двумя речными руслами. В старину донская станица имела еще одно название – Раздоры Донецкие. Дело в том, что раньше Северский Донец впадал в Дон в районе Раздор. Вполне возможно, что именно по Донцу сюда проникали запорожские казаки, которым не составляло труда, пользуясь волоками, перетаскать суда из Днепра в Донец. По старинным «рописям» и картам установлено, что казацкий городок находился в юго-западном углу острова Поречного – как раз напротив

нынешней станицы Раздорской. Ее старожилы до сих пор вспоминают запорожцев, которые, возможно, были причастны к основанию островного укрепленного поселения. Ведь, как известно, днепровские казацкие городки – *сечи* располагались, как правило, на островах. Запорожцы, поднаторевшие в строительстве островных крепостей, охотно передавали донцам свой речной фортификационный опыт. Подступиться и захватить донские казацкие городки, также как и днепровские сечи, было не просто. «Городки наши не корыстны, но добывать их нужно было твердо головами», – говорили донцы о своих укрепленных центрах.

Монастырское урочище, рядом с которым мы после Раздорской провели ночь, – весьма знаменательное место на Дону. До сих пор суда, проходящие мимо памятника-часовни, установленного на берегу в честь похороненных здесь казаков, оглашают окрестности печальными гудками. С 1620 по 1637 год Монастырский городок был главной столицей донского казачества. Примерно в это же время неподалеку от Монастырщины шло строительство другого городка. Речь идет о нынешней станице Старочеркасской. Все в этом провинциальном городке наполнено поэтическим обаянием казацкого прошлого – каждая церквушка, курень, атаманский особняк дышат ароматом старины. В ней и дух запорожской вольницы, который проявил себя уже в самом названии станицы. В летописях XVII века часто встречается упоминание о Черкасском острове, то есть о городке Черкасске, располо-

женном на острове. Кто же обосновался тут рядом с донцами? Все те же запорожцы! Вот строки из одного летописного сообщения времен Ивана Грозного: «Пришли из-за Днепра черкасы на Дон с князем Вишневецким и, там поселившись, город Черкасской построили». В «Словаре Географическом Российского государства» уже прямо говорится о том, что запорожцы, помогавшие Ивану Грозному в покорении Астрахани, в 1570 году основали Черкасск. Известный бытописатель донского казачества В.Д. Сухоруков в своем «Историческом описании Войска Донского», изданном в 1903 году в Новочеркаске, попытался более пристально взглянуть в ту седую казацкую давность: «В одном акте XVII века сказано, что черкасы из Запорог, со всей рухлядью своею, являлись сюда человек по 10, по 20 и по 50, селились особо, как с достоверностью полагать должно, близь главного городка (Монастырского. – В.С.); ибо их беспрерывно видим в оном городке участвующих в предприятиях и торжествах удалых донцов. Их-то поселение, городок, думаю, казаки называли херкаским, то есть принадлежащим черкасам».

В 1644 году донские казаки перенесли свою столицу в Черкасск. С того времени и до 1805 года городок, заложенный запорожцами на донском острове, был административным центром Войска Донского. Иностранные путешественники называли Черкасск «донской Венецией» – ежегодно город подвергался разрушительному наводнению в результате весеннего разлива Дона, превращая его в плавучую стани-

цу. До последнего времени паром, на котором мы переправились через Дон, следуя в Ростов, был здесь единственным средством связи с «большой» землей... Российское правительство давно собиралось упразднить казачье самоуправление. А тут и повод нашелся. Новое место для казацкой столицы выбрал прославленный атаман М. Платов. Не всем по душе пришлось это удаленное от Дона возвышенное место. Долгое время в народе говорили: «Построил Платов город на горе, казакам на гоуре». Но со временем свыклись. Город Черкасск был «разжалован» в станицу Старочеркасскую, а Новочеркасск обрел статус казацкой столицы. За два столетия она обросла особняками, обелисками, храмами, памятниками, ставшими признанными достопримечательностями казацкого Дона. Поражает, например, размерами монументальный Вознесенский войсковой кафедральный собор посредине мощенной камнем просторной площади – *майдана* с памятником Ермаку – покорителю Сибири. Это, кстати, третий по величине храм в России. Новое время – новые столицы, другие названия. Однако зрим в них и крепок прежний казацкий (запорожский!) корень.

...К великой чести на Дону все жили вместе. Так было в старину. Потом ситуация изменилась. К пришлым с украинских земель донские казаки нередко относились подозрительно, называли *бурлаками* и даже считали низшим сословием. В 1755 году войсковой атаман даже издал приказ, в котором говорилось, «чтобы казаки как сами, так и дети их на

беглых и на протчих малороссийских женках не женились». Мне рассказывали, что неряшливых, вялых девок нередко называли *хохулями*. Украинцы в долгу не оставались. Одна старая казачка с хутора Дубравного, вспоминая свое детство, рассказала мне, как украинская детвора дразнила казачат: «Казак, казачюра, казак ночи не чула». Это был намек на то, что казаки на своей земле трудились до седьмого пота, в то время как безземельные украинцы (на Дону. — *Примеч. ред.*) в основном батрачили, работали по найму, занимались ремеслом. Почему же произошло это расслоение? Что повлияло на донцов? Откуда их нетерпение к чужакам? Ведь издревле донская вольница, как и запорожская, принимала всех в свои ряды, уравнивая в правах даже людей другой веры. На мой взгляд, ситуация изменилась, когда границы Российской империи значительно расширились и Войско Донское попало в полное подчинение к царскому правительству. Запорожское же казачество в то время еще оставалось относительно свободным. Возможно, опасаясь распространения «самостийных» запорожских идей среди донцов, которые продолжали дружить с сечевиками, центральное правительство всячески старалось оградить донских казаков от контактов с их днепровскими братьями, поощряло донскую обособленность, возвышало и даже поэтизировало образ служивого казака, готового сложить голову на поле брани за веру, царя и Отечество. Все это история, далекая старина. Однако и гнездышко в памяти, для кого-то напоми-

вание, кому-то урок.

...Много по пути нам встречалось казацких крестов, могил, памятных знаков и обелисков. Запомнился недавно установленный в Новочеркасске на майдане рядом с храмом памятник примирения и согласия. На мраморной плите выбиты слова: «Во имя памяти о прошлом, во имя настоящего и будущего казачества мы пришли к примирению и согласию. Слава Богу, мы казаки». У казачества и на Днепре, и на Дону, и на Кубани, и даже на далеком Амуре много общего. Под этой надписью, не сомневаюсь, мог бы поставить свою подпись любой, кому сегодня дорога казацкая история и романтика.

Вояж к Таману

...Мы съехали с трассы и вместе с велосипедами утонули в маковом красноцветье. Оно – на обочинах, в посадках, на заросших травой буграх, посреди пшеничных полей, за которыми вдалеке над сиреневыми сопками плывут белые облака. Конец мая – по берегам моря тепло, солнечно, временами в меру дождливо. В густой траве легко выхватываешь и желтую сурепку, и белые ромашки, и голубые васильки. Жизнь привычно мчит нас по серым и гладким асфальтовым протяженьям. Не остановишься, не свернешь, не оглядишься по сторонам. А на обочинах наливаются зеленым соком травы, пестреют букеты полевых цветов и алеют маки. Бесконечно волнующее диво первозданного радужного разноцветья. В нем тайна сотворения мира и трепетная радость его первых шагов... Мы оторвались от гудящей магистрали и, свернув на обочину, полыхающую маками, легко проделали эти шаги.

Шаги к истокам, преданиям, к следам, что оставили в далеких землях мои чубатые предки. Именно за этим я и приехал на Кубань. Все привычно было здесь и узнаваемо. И степь, и пшеничные поля, и уютные балочки, и травы, и посадки. Вот только алый маковый цвет. Такого я даже у нас не видел. Он будто из другого мира. Того далекого степного, навсегда ушедшего от нас. Остались лишь обочины... Мак

для украинцев – цветок особенный. В нем все – и безграничность звездного мира, и солнечная земная благодать, и трепетная красота, и сладкий сон, и тайная любовь, и чары. В степном краю много легенд о героически погибших в чистом поле казаках, тела которых «зернами проросли, а летом маками зацвели».

Маковая дорога манила, звала вперед. Это было похоже на азартную скачку по степному безбрежью, которой так упивались запорожские всадники. Вскоре, однако, мы почувствовали усталость от этого ветреного порыва, безоглядности. Захотелось осмотреться, обозначить детали, обрамить увиденное. Тогда стали замечать и станичников с прокуренными усами, что сидели на колодах возле калиток, и юных рыбоудов по берегам мутных прудов и каналов, и чабанов, бредущих за отарами. Все легко и прочно ложилось в память. Много было цветов, хватало и ягодок. Возле села Екатериновки нас внезапно накрыл ливень. Благо рядом оказалась автобусная остановка, под навесом которой мы успели спрятаться. Просидели там почти до темноты. На ночлег располагаться уже было поздно, да и мокрота одна вокруг. Пошли проситься в *приймы*. У бабульки на окраине села стали спрашивать дорогу до школы и вдруг слышали: «А вы звидкиля, хлопци, будете?» Так мы «въехали» в украинское кубанское село. «У нас тут наброд всякий, – объяснила бабулька. – В одних селах говорить, в других гуторять, а в третьих балакають. Вы как раз попали в то, где балакають». На сле-

дующее утро мы побывали в сельском краеведческом музейчике. Уже на первом стенде мне бросилась в глаза подпись под фотографией: «Самые первые поселенцы крестьяне из Запорожья». Одной рукой царица разрушала, другой одаривала, в одних землях ее называли «вражьей матерью», в других – «благодетельницей». И все же память – штука каверзная – с одинаковой силой цепляется за злое и доброе.

На следующее утро путь наш пролегал через станицу Старошербиновскую. Здесь «запорожский» след проявился в виде памятника казаку (к нему нас, кстати, привела улица имени Шевченко), который по внешнему виду имел полное основание называться запорожцем. В руках казак держал грамоту, на которой были выбиты слова: «Всемилошвейше пожалована Войску Черноморскому в личное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию с землею лежащею на правой стороне реке Кубани от устья Еик Усть-Лабинскому редуту, так чтобы с одной стороны была Кубань, с другой Азовское море. Войску Черноморскому надлежит единение и стража пограничная от набегов народов закубанских».

А еще через несколько дней мы достигли станицы Запорожской, которая располагается на Тамани в двадцати километрах от Керченского пролива. На рекламном щите она названа краем трех морей. Черное, Азовское – понятно (полуостров Тамань расположен между ними. – *Примеч. ред.*), а третье? Под ним, скорее всего, подразумевалось зеленое мо-

ре виноградников (они безграничны и уходят за горизонт, как у нас пшеничные поля) и вино, которое производится на местном винзаводе. Мускат запорожский, кстати, признан лучшим из кубанских мускатов. Не запорожцы ли, которые знали толк в разных хлебных и виноградных винах (в том числе и заморских!), занесли сюда культуру виноделия? Во всяком случае, украинско-казацкое «Будьмо!» здесь на Тамани и под мускат, и под горилочку-оковитую, и под местный самогрой (самогон. – *Примеч. ред.*) (всего довелось по-пробовать) звучало весьма уместно. Станица Динская стала Запорожской в 1910 году. Посчитали, что раз в крае живут потомки запорожских казаков, то хотя бы один населенный пункт должен точно и конкретно указывать на прародину кубанских казацких удальцов.

Вишни на Кубани такие же, как и у нас, и вареники с вишнями кубанские хозяйки лепят не хуже, чем в украинских селах. И борщи здесь готовят знатные, и галушками не брезгуют, и сало любят, и песни украинские поют, и звучные казацкие тосты провозглашают, помня своих днепровских предков. Какое семя, такое и племя. Запорожское семя по всей кубанской земле... А где же все-таки начало? Как, каким путем прибыли сюда первые запорожцы? Из станицы Запорожской мы отправились в Тамань. Ровное блеклое море, глинистые обрывчики, камышовые болотца, зеленые луга, грязевые сопки вдалеке – ничто здесь не напоминает о легендарном прошлом края. Первыми заглянули сюда греки, ос-

новав на месте нынешней Тамани колонию Гермонассы (рядом возле станицы Сенной находилась античная Фанагория). Потом пришли хазары, построив город Таматархи. Наконец и русские добрались до этого солнечного цветущего пятачка. Город Тмутаракань был самой дальней вотчиной русских князей. Остался след и после турок. Турецким фонтаном местные жители называют удивительный источник, вода в который стекает по зарытым на склонах керамическим трубам. Этой криничкой до сих пор пользуются таманцы. Даже объявили местной реликвией и назначили смотрителя.

Самый же колоритный, приметный, во многом знаковый таманский памятник стоит на приморском бульваре, возвышаясь над газонами, кустами, деревьями и даже – морем. Более двухсот лет назад по нему к кубанским берегам был совершен «вояж» черноморских казаков – бывших запорожцев. На гранитном постаменте легко узнаваема фигура сечевика со знаменем. Ниже – барельеф: море, волны, обрывистый берег, два больших военных корабля сопровождения и «чайки» с казаками. О том, что все это означает, можно узнать из надписи: «Первым запорожцам, высадившимся у Тамани 25 августа 1792 года под командой полковника Саввы Белого, сооружен в 1911 году благодарными их потомками казаками Кубанского казачьего войска по мысли Таманского станичного общества в память столетия со времени высадки».

На другой стороне постамента длинный «вирш» на укра-

инском языке. Я не поленился, полностью переписал его к себе в блокнот. «За здоровье ж мы царицы помолимся Богу, что она нам указала на Тамань дорогу...» – в таком незатейливом панегирическом тоне выдержан весь стих. Слова благодарности, как гласит надпись, якобы принадлежат судье войска верных казаков черноморских Антону Головатому. Это был редкий по уму и храбрости человек, обладавший талантом воина и дипломата. Современники отмечали его необыкновенное чувство юмора, поэтическое дарование, мастерство игры на кобзе. Находясь на должности войскового судьи – второго лица всего Черноморского войска, он организовал переселение черноморцев на Кубань, занимался обустройством новых поселений, наладил охрану неспокойных кавказских границ. По его инициативе в 1793 году в этих местах был построен первый храм Покрова Богородицы. Он существует и поныне. Его колокола, по преданию, отлиты из пушек, которые были установлены на «чайках» запорожцев. Авторитет судьи среди кубанцев был очень велик. О нем казаки сложили поговорку: «Знает об том Головатый Антон: он нам голова, он нам и батько – он нам поголыв головы гладко» (эта поговорка указывает и на мздоимство Головатого, ставшего затем атаманом черноморцев и «гладкооголившем головы» своих казаков. – *Примеч. ред.*). Так запорожские казаки превратились в кубанских. Была вольница днепроовская, стала кубанская государева служба... Все равно своя воля, свое право. Своя казачья гордость. Что от нее

осталось? Только ли памятник на таманском берегу?..

Дунайская развилка

– Смотри, яблоко плывет... Хватай еще одно по правому борту... А вот груша слева...

Лодка тихо скользила по тенистому Белгородскому каналу: я греб, а мой спутник выуживал из воды яблоки и груши. Они падали с веток, свисающих над водой.

– Ходите, хлопцы, дальше, до церкви – там еще не такое побачите, – усмехнулся расположившийся возле калитки на мостках дедок с рыжими обтрепанными усами. Мне подумалось, что точно так же мог выглядеть и запорожский казак-зимовчак, независимо *севший* хуторком на одном из островов Великого Луга.

Минут через двадцать мы подплыли к мосту. За ним был выход в Дунай. По обоим берегам у деревянных причалов стояли длинные деревянные лодки. Бросались в глаза сначала именно они, а потом уже – дома и сараи, машины и велосипедисты, церковные купола. Мы находились в центре Вилкова.

Этот южный тихий плавневый городок километрах в двухстах от Одессы называют «украинской Венецией». Название отражает его водное местоположение. Дунай при впадении в море разделяется на три рукава (их называют *гирлами*): Георгиевское, Сулинское и Килийское. Килийское в свою очередь делится на Старостамбульское, Очаковское и Белгород-

ское гирла. На их стыке, на своеобразной «вилке», и находится Вилково – знаменитый город на воде.

На городской набережной высится бронзовый памятник. Строгий худой мужик с бородой, в лаптях держит в руках большой крест. Рядом с ним – лодка. Кто это? Однажды во время велосипедного путешествия по Румынии, переехав по мосту через Дунай, мы стали расспрашивать у местных жителей дорогу. Вдруг услышали за соседним столиком (дело происходило в придорожном кафе) странную речь. Слова то украинские, то какие-то исковерканные русские, акцент румынский. «Часом не молдаване будете?» – спросил я навскидку. «Не-е, мы липоване», – протянул баском дюжий загорелый мужик: «А вы кто, распутники?» Я кивнул головой, сообразив, что речь идет о дороге и путниках. О русских староверах-липованах я слышал давно. Где-то в XVIII веке, не приняв новое церковное устройство, они ушли из России и обрели новую родину здесь, на Дунае. В румынской Добрудже есть целые села, где живут липоване.

Липован можно встретить и в Молдавии, и на Буковине, и на Одессине. Вилково основано в 1746 году. Памятник на набережной поставлен в честь староверов-липован – первых поселенцев этих мест. И молодые, и старые вилковцы, сколько мы ни пытались дознаться, почти ничего не могут сказать о своих российских корнях. Не знают? Не помнят? Не хотят помнить? Объяснили только, что слово *липоване* происходит то ли от липовых лесов, где прятались борцы за веру,

то ли от липовых досок, на которых писались иконы (скорее всего, название идет от Филипповского толка, которого придерживались эти старообрядцы. – *Примеч. ред.*). Многие вилковские липоване считают себя потомками донских казаков. Вилковцы-украинцы же ведут свою родословную от запорожских казаков. Так здесь многие и говорят: «Мы запорожских корней». Некоторые, гордясь своими чубатыми предками, этим даже как будто ставят себя на ступеньку выше других вилковцев. В городке, между прочим, две церкви: в одной правят службу по обычному православному обряду, в другой – по староверскому уставу.

Мне сначала Дунай не приглянулся – мутная вода, заросшие ивняком неряшливые берега, комарье. Запорожцам, чьи «чайки» плутали между островами, тоже, наверное, было здесь и непривычно, и неудобно. Так и жди, что судно сядет на мель, а из зарослей раздастся предательский выстрел. В одной народной думе, где описывается буря на Черном море, идет речь о том, что часть казацких судов «гирло Дунайское пожерло». Вполне возможно, что после этого в казацкой среде родилась пословица «Кто не пил воды дунайской, тот не ел каши казацкой». С лихвой хлебнуть дунайской водички запорожцам пришлось во время штурмов важных турецких стратегических пунктов в Подунавье – Силистрии, Килии, Измаила. Во время Дунайской экспедиции в 1771–1772 годах российское командование не кому-нибудь, а именно запорожцам поручило описать прилегающих к Ду-

наю и непосредственно дунайских речных путей. Объяснялось это тем, что запорожцы «по изведанной в них храбрости и отважности скорее других за сие дело возьмутся и удачнее могут исполнить, тем наврное, что места по Днепру и самое оно течение им в скорости известны». Пригодился россиянам и боевой опыт казацких морских десантников. Ими была создана Дунайская военная флотилия. Быстро освоившись среди дунайских разливов и гирл, запорожцы внезапно нападали и захватывали турецкие галеры, уничтожали аванпосты противника, нападали на береговые укрепления и базы, принимали участие в штурме крепостей. После прекращения военных действий не все запорожцы вернулись к родным днепровским берегам. Будто предчувствуя «руину» запорожской вольницы, часть сечевиков осела в низовьях Дуная. Вполне вероятно, что именно в это время запорожцы и поселились в районе Вилкова, основали хутора по другим дунайским гирлам. Места здесь глухие, неизведанные, добычливые. То, что и надо было днепровским лугарям, привыкшим во всем полагаться на боевую выучку и свой богатый опыт выживания среди дикой природы. Было здесь просторно и вольно, однако плавни есть плавни: тут – топь, там – непролазные камышовые дебри. Хватало и подозрительного иноязычного люду в округе. И свои единовѣрцы – обосновавшиеся здесь ранее липоване, казачки-некрасовцы – порою досаждали, охраняя свою старообрядческую веру и насиженные гнездовья (некрасовцы, после поражения бунта атама-

на Булавина, перешли к турецкому султану и сражались за него. – *Примеч. ред.*). Так что приходилось селиться с оглядкой. А то и место под солнцем отвоевывать.

Вскоре к вольным поселенцам присоединились и отряды запорожцев, прибывших сюда после ликвидации Сечи на Днепре. Запорожские казаки решили закрепиться в низовьях Дуная и устроить здесь что-то вроде своей новой сечевой столицы. Турецкие власти препятствий не чинили. Туркам даже было выгодно иметь под рукой военную силу, способную противостоять россиянам. Так днепровские казаки стали задунайскими, при этом по сути и духу оставаясь запорожцами. Задунайская Сечь несколько раз меняла свое место. В 1814 году запорожские казаки овладели главным центром некрасовцев – селением Верхний Дунавец – и основали там свой Кош. В 1827 году его возглавил Осип Гладкий – последний кошевой атаман Задунайской (Запорожской) Сечи. Через год этот в меру авантюрный, достаточно честолобивый, умеющий ладить с властями ватаг вывел задунайцев в Россию, где вскоре стал наказным атаманом Азовского казачьего войска. Судьба вела кошевого по старым казацким дорогам. В конце концов седой, но еще достаточно моложавый с виду и крепкий атаман очутился в бывшем гнезде запорожской вольницы. Последние годы он провел на берегу Днепра в уездном Александровске (нынешнее Запорожье). Тут на старом казацком кладбище в 1866 году и упокоился его прах. Через полтора столетия пыльный горо-

дишко превратился в административный центр края за порогами, который сохранил – за славу предков – и громкое название. Кстати, на старинных российских картах оно обозначало обширный регион – пограничную территорию между Днепром и Азовским морем, которую контролировали запорожские казаки. В память о последнем запорожском кошевом в одном из университетских дворикув Запорожья установлен большой крест и надгробная плита. Часто отсюда я отправлялся в путешествия по казацким следам. В этот раз дорога увела меня вниз по Днепру, дальше – по берегу Черного моря к устью Дуная. Таким путем сюда когда-то попадали и днепровские сечевики.

Сторож на дебаркадере, считавший себя потомком запорожских казаков, выдал свою версию происхождения названия липован: «У запорожцев были такие долбленки – *липка-ми* прозывались. На этих лодках они по Днепру катались. И здесь на них могли промышлять». Как бы там ни было, но сегодня на гербе Вилкова – вода, лодка, рыба, деревья. Это главные богатства края. Были и остаются. В Вилкове строят и маленькие жестяные челны, и дощатые одноместные лодочки. Однако больше всего больших длинных лодок с чуть загнутым носом и кормой. Их тут называют *маунами*. На таких суденышках можно и в море выходить, что, собственно, вилковские рыбаки часто и делают. И тут, наверное, мореходный опыт запорожцев, их лоцманские навыки им весьма кстати. Что помнится, то обязательно возвращается.

Каналы, лодки и рыбаки – главная достопримечательность Вилкова. От магистрального водного проспекта – Белгородского канала – ответвляются маленькие улочки-протоки, которые называют здесь «ериками». Во дворы некоторых домов, кроме обычных ворот, ведут еще так называемые «ходы» – калитки для лодок. Вдоль вилковских больших и малых водных протяжений проложены деревянные настилы – «кладочки»... В стельку пьяный обычно, как куль, валится набок. Однако есть единственное место на Украине, где принявший «на грудь» лишние сто грамм предпочитает падать вперед. В крайнем случае на спину. Где это? В Вилкове. С «кладочки», качнувшись влево-вправо, можно запросто полететь в воду. Правда, среди вилковцев мне почти не доводилось видеть подозрительно раскачивающихся выпивох, несмотря на то, что на многих заборах виднеются крупные надписи: «вино». Вилково славится своим домашним красным вином, которое делают из местного сорта винограда – *новака*. Им любят угощаться туристы. Липоване тоже потребляют. Однако по случаю и в меру. Потомки запорожцев, правда, более раскованны. Однако же честь казацкую блюдут. Особенно на воде – она здесь везде.

Каналами, протоками и ериками в прошлом был покрыт весь городок. Каждая улица заботилась о чистоте и глубине своего канала: очищала его от ила, укрепляла берега, ремонтировала причалы, мостки и «кладочки». По его водным улицам передвигались в основном на лодках. Вышел из во-

рот и — за весла. На лодке — и в магазин, и на базар, и на свадьбу, и на крестины, и в церковь, и на работу. На лодке, случалось, везли вилковца из роддома, на лодке часто провожали его и в последний путь. Очаковское гирло от Вилкова петляет между островами, берега которых заросли тростником. На островных землях — как когда-то запорожские лугари на островах в днепровских плавнях — вилковцы до сих пор держат огороды, сенокосы, к которым пробираются через проходы в камышовых прибрежных зарослях. Естественно, на лодках. Часто целыми семьями. Первое, чему учит в детстве отец сына, а мать, дочь, это махать тяжелыми веслами, ловко орудовать небольшим кормовым веслом — *гребкой* с поперечной рукояткой, управляться с шестом — в иные *ерики* можно протиснуться только с его помощью. Да и по широким, однако мелким заиленным каналам иногда продвигаться с помощью длинного шеста и сподручнее, и быстрее. За веслами и с шестами часто можно видеть женщин. Едва лодки причаливают к берегу, мужчины прыгают через борт и спешат по делам. Жены ожидают их, делясь новостями с подругами, что сидят в лодках по соседству. Изучая быт вилковцев, я как будто наблюдал сценки из жизни запорожцев, обитавших среди разливов Великого Луга.

Осваивать дунайские плавни липоване начали с устройства рыбных промыслов. Запорожские казаки тоже были мастаками в добыче рыбной живности. Тут с липованами они, наверное, быстро нашли общий язык. Свой днепровский

опыт им передали, кое-чему сами у дунайцев подучились. Каждый вилковский рыбак сам себе и капитан, и лоцман. Дело в том, что дельта постоянно растет, глубины в гирлах и на барах (места выхода Дуная к морю с резко уменьшающейся глубиной. – *Примеч. ред.*) меняются. Нередко случается так, что уходишь на рыбалку по одному руслу, а возвращаться из-за отложения наносов приходится по другому. Для ограждения опасностей рыбаки расставляют вехи различных цветов, буйки. Однако и по ним не всегда сориентируешься. Из-за отложения наносов меняет места кормежки и рыба. Сегодня сети полны серебристой селедки – *дунаечки* (у каждого уважающего себя рыбака есть дома ее соленый запас), а завтра в них одна тина.

Сегодня рыбаки не только ловят рыбу, но и осваивают туристский бизнес. До заработков венецианских гондольеров им, конечно, далеко однако кое-какая копейка все же перепадает. Туристов им поставляют в основном экскурсионные автобусы. Рыбаки (или те, кто когда-то были рыбаками) застилают сиденья своих лодок грубыми домоткаными ковриками и развозят гостей по каналам и ерикам. Или доставляют на плавневые острова, где угощают липованской юшкой и запорожским кулешом. И льются над водой дивные запахи, и звучат над Дунаем старинные казацкие песни...

На косах Азовских

Полдень. Зной. Бреду по морскому берегу косы – под ногами хрустит ракушечник. Ветерок – ровная азовская полуденка – тянется за солнцем. Заходит с запада, потихоньку продвигается к югу – продержится еще погода! Едва слышно потрескивает на ветру песчаный колосняк (прибрежное травянистое растение. – *Примеч. ред.*). Иду по самой кромке прибоя. Собственно, это даже не волнение, а так – вздох сквозь дрему, легкое бездельное позевывание. Волны лениво, будто спросонья, тычутся в берег... Вода настолько прозрачная и тихая, что приобретает цвет светло-коричневого дна. Чуть дальше море желтеет, потом становится все туманнее, наконец, когда совсем не видно дна, окрашивается в изумрудный цвет. Дальше – полоса ряби, потом – чуть густой синевы и за ней до горизонта – голубизна. Дохожу до оконечности косы, так называемого *шпиля*. Тут слышно, как шумит море, кричат чайки. Лучи солнца натыкаются на их крылья – от них стремительные тени на песке. В прибойной пене кувыркаются ракушки. Трудно поверить, что из них состоит суша, на которой надежно стоит маслиновая рощица, маяк, хатка смотрителя – их видно за бугром. Развязываю рюкзак, достаю карту. Прикидываю, в какой бухточке здесь могла бросить якорь казацкая «чайка». Известно, что запорожцы, спасаясь от турецких галер, заскакивали в Азовское

море и заходили в малые реки. По пути они могли останавливаться и в гаванях на оконечностях кос, которые загнуты, как рыболовные крючки. Здесь даже можно было найти пресную воду, добыв ее из колодцев-копанок. Беглецам помогали и рыбаки. Они издревле селились на косах. Немало было среди них и запорожцев. Все для лихих днепровских лугарей здесь в Приазовье было привычным, знакомым, изведанным. От Днепра до азовского побережья – хоть по торной дороге, хоть по тайным тропам или глухим балкам – от силы три-четыре дня пути. Простора и воли на побережье хватало. И морская жара не изнуряла. Ее смягчал степной ветер, напоенный ароматом трав. И тарань здесь ловилась такая же, как в Днепре, и судаки в сети попадались, и лещ шел. И осетрам пришлые рыбаки не удивлялись, и даже на белуг глаза не таращили – этого добра и в плавнях за порогами хватало...

Косы на северном азовском побережье знакомы мне с детства. Самые чудесные и значительные открытия произошли именно тогда. Однако, когда в очередной раз приезжаю к солнечному Азову, он, наверное, по старой дружбе, продолжает раскрывать свои тайны, одаривать сувенирами из далекого прошлого. Каждая дорога что-то обещает, куда-то ведет. Дорога вдоль восточного пляжного берега Кривой косы, как когда-то былинного богатыря, привела меня к удивительному камню. На песке стоял гранитный памятник в два человеческих роста, сделанный в виде дубового ствола с обрезанными ветками. Я подошел ближе и прочитал: «Войско-

вой старшина (т. е. подполковник Войска Донского. – *Примеч. ред.*) Александр Климович Шурупов. Сконч. 13 июля 1915 г. на 93-м году жизни. Мир праху твоему». «Живут же люди», – подумал я тогда. Однако тут же поправил себя: «Жили». Кто? Где? Местные жители объяснили, что памятник с берега сюда специально привезли рыбаки.хлопотное это было дело, однако косяне (жители морской косы. – *Примеч. ред.*) постарались. Многие ведь здесь считают себя потомками войсковых старшин, ватагов рыболовецких казачьих артелей, вольных казаков, основавших на побережье хутора. Это отразилось и в названиях. На Беглицкой косе, которая вдаётся в море восточнее Кривой, например, когда-то поселились беглые запорожцы. Огибая Азовское море, казаки, которые бежали из турецкой неволи, задерживались в устье Дона, а оттуда уже пробирались домой на Сечь. Многие оставались на косах, примыкая к обосновавшимся здесь ранее беглецам. Некоторые, правда, считают, что казачкам, которые облюбовали эту косу для рыболовецкого улова, приходилось все время «убегать» от моря, постоянно заливавшего берег. О других казачьих поселениях и в памяти местных жителей, и в архивах сохранились более достоверные сведения. Точно известно, например, что запорожские казаки на Белосарайской косе (она расположена западнее Кривой) в устье реки Кальмиус для защиты своих зимовников, рыбных промыслов и дорог от татар основали сторожевой пост Домаху. Кстати, это название, обозначающее времен-

ный рыбацкий стан, было очень распространено в Великом Лугу... В середине восемнадцатого столетия пост стал центром Кальмиусской паланки. В архивах сохранилась жалоба донских казаков, которые в 1743 году жаловались на кальмиусского полковника Кишенского. Тот якобы прибыл в Новочеркасск, собрал ватагу беглых запорожцев и, переплыв Азов (г. Азов стоит в «гирлах» Дона близ Азовского моря. – *Примеч. ред.*), стал рыбачить на Ейской косе, которую донцы считали своей. Запорожцы на азовских перепутьях чувствовали себя настолько вольготно, что даже тогда, когда сечевое начальство потребовало прекратить самовольные вылазки на чужие территории, ничуть не притихли и продолжали рыскать по побережью в поисках фартовой рыбной поживы. Чтобы избежать ссор между донскими и запорожскими казаками, российский Сенат в 1746 году принял решение установить границу между Войском Донским и Запорожским по речке Кальмиус. Ее левый берег стал донским, а правый – запорожским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.